

ХРОНИКИ СЕМИ КОРОЛЕВСТВ

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ

Ярослав Заболотников

18+

Ярослав Заболотников

**Хроники семи королевств:
Живые и мёртвые. Том 5**

«Автор»

2026

Заболотников Я. Г.

Хроники семи королевств: Живые и мёртвые. Том 5 /

Я. Г. Заболотников — «Автор», 2026

Со странным артефактом в руках герои отправляются на Грозные Острова, где надежды, месть и безумие определяют дальнейшую судьбу мироздания. Но увидеть её суждено не всем...

© Заболотников Я. Г., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Заболотников

Хроники семи королевств: Живые и мёртвые. Том 5

Пролог

Пара ярких свечей разгоняла мглу библиотеки. Сидя за письменным столом, Лайла изучала очередной фолиант. Уже прочитанные оказывались на полу. Высились внушительными, похожими на башни стопками. За две недели в руках вампирши побывало множество книг: преимущественно магических, насыщенных ценными знаниями – эйдетическая память впитывала их без остатка. Особенно всё, что касалось чар Жизни. Они весьма отличались от заклинаний Огня и несли прямую угрозу нежити. Однако сейчас Лайла об этом не думала: старалась поглотить как можно больше информации. Сложные задачи разумнее решать потом, когда библиотека со всем содержимым останется далеко позади.

Взгляд скользил по ровным строчкам, облетал колдовские схемы, уделяя внимание самым мелким деталям. Вампирша была настолько увлечена, что не заметила возникшего неподалёку силуэта.

– Нормальный ты себе закуток облюбовала, – раздался голос в сумраке.

Лайла подняла глаза на ассасина, какой стоял, подпирая плечом книжный шкаф.

– М?..

– Забурилась, говорю, в самые недра лабиринта. Еле нашёл. Чем комнаты не угодили?

– Отсюда одинаково идти до любого из разделов библиотеки.

– Угу... – встав ровно, Рэксволд отряхнул чёрный наплечник. – И пыли, как муки на мельнице...

– Мне не мешает, – взор зелёных глаз снова нырнул в фолиант. – Мы сегодня уходим, а столько всего ещё не прочитано. Чем больше запомню, тем проще будет разбираться с боевыми заклинаниями. И магией Жизни... Она такая... своеобразная... – текст всё больше перетягивал внимание Лайлы на себя.

Ассасин загадочно усмехнулся.

– Я, конечно, не маг. Но у меня получилось, – он выдержал небольшую паузу. – Создать жизнь.

В ответ вампирша лишь отстранённо угукнула. Тогда Рэксволд подошёл и уселся на край стола:

– Я стану отцом.

Лайла снова угукнула. Потом же её умственная деятельность отразилась хмуростью на лбу. Изысканные ладони медленно отодвинули фолиант, а удивлённый взгляд поднялся к карим глазам:

– Как?..

– Ты не знаешь, как это происходит? – заулыбался ассасин. – Ну, давай расскажу. Берёшь...

– Да нет же! – Лайла качнула волнами каштановых волос. – Просто Эрми мне ничего не говорила.

– Эрми скоро забудет, как ты выглядишь. Ты же тут с утра до ночи торчишь. Когда её в последний раз видела, хоть помнишь?

Вампирша немного помолчала:

– Справедливо... – мимолётная тоска вдруг сменилась подозрительностью: – А не шутишь?..

– Да какой там! Вот тебе зуб, вот тебе слово ассасина.

– Тогда, – Лайла с тёплой улыбкой встала, приблизилась к Рэксволду и обняла. – Прими мои поздравления.

– Естественно, принимаю, – довольно ответил тот.

После недолгих объятий вампириша отстранилась, изумрудные глаза блестели счастьем:

– Всё. Знания подождут. Пойду навещу Эрми.

– Так. Вот с этим не спеши. Она только перестала бросать на меня суровые взгляды. Видимо, свыклась с мыслью. Поздравишь, когда сама созреет сказать. Я и Джона предупредил.

– Джон тоже в курсе?

– Ага. Уже как четверть часа. Сперва выставился на меня, а потом хлопнул по плечу так, что другому бы сломал. Но не мне, – тон ассасина оброс понуростью: – Ведь я тренируюсь. В три раза больше, чем раньше. Мышцы как железо. Но больше тут заняться нечем. На вампиров и пыльные полки я уже наглазился.

– Потерпи немного, – улыбнулась Лайла. – Если повезёт, уже вечером будем на островах.

– Это да-а, – Рэксволд невольно тронул рукоять одного из двух висевших на поясе кинжалов. – Уж там впечатлений каждому хватит. Ладно, – он встал со стола. – Пойду манатки собирать. Кстати. Мы там пару артефактов любопытных нашли. Авось пригодятся. Но нужно, чтоб ты глянула: мало ли что.

– Поняла. Буду где-то через час. Отберу в дорогу самое важное, – Лайла обвела взором книжные ряды. – Была бы возможность, взяла бы всё, – от досады она сжала пальцами подол тёмно-зелёного платья.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся ассасин. – В общем, не засиживайся тут, – он уверенной походкой пошёл в темневший меж шкафов проход.

Лайла провожала взглядом чёрную спину – добрая зависть вышла из груди тихим вздохом. В вопросе продолжения рода Джон делал всё правильно, но то ли от того, что действительно верил в чудо, то ли от уверенности, что живому семени не взойти в мёртвой земле. Спрашивать не хотелось. Ответ мог оказаться слишком жестоким. С другой стороны, раз бескомпромиссная воительница не обратилась за очищающим зельем – а в заброшенной средь лесов крепости альтернативы не найти – значит, вопреки всем прошлым заявлениям, поддавалась на уговоры Рэксволда. Стоило признать: иногда чудеса случаются.

* * *

Рэксволд и правда насмотрелся на вампиров. Эста после сражения больше не появлялась, а вот другие остались. Днём они теньями передвигались по мрачной библиотеке: охраняли территорию и попутно изучали артефакты. А по ночам выходили наружу, чтобы заниматься восстановлением взорванных ворот. Мертвецы-стражи. Мертвецы-учёные. Мертвецы-строители. Кто бы мог подумать?.. Сомнительной радости соседство, однако ждать, что в крепость войдут какие-нибудь привлечённые шумной битвой разбойники, не приходилось.

Нельзя сказать, что вампиры вообще не попадались на глаза. При желании с любым из них можно было завести разговор, хотя неувовимо казалось, будто ты отвлекаешь господ от важных дел. Да и Энтони приходил каждый день. Он выглядел менее напыщенным. Оценивал здоровье всех, кто получил ранения. Приносил лекарства и еду. Возможно, Лайла заключила и не такую плохую сделку. На арене судьбы пригодится любой союзник. Особенно тот, которого можно убить.

Рэксволд в первый же день заметил на одной из полок пузатый бочонок. Думал, вино. Хотел хоть понюхать, чем маги себя балуют. А внутри оказалась серая жижа. Внимательный осмотр бочонка выявил выжженный на боку трикветр. Тут-то и вспомнился рассказ Лайлы об охотнице на вампиров и губительной пепельной смоле. Щедро покрыв ею клинки, ассасин находку припрятал. На всякий случай.

Покинув закуток, Рэксволд шёл по тёмному проходу к светлевшему вдалеке перекрёстку: стратегически расставленные по библиотеке канделябры помогали ориентироваться. Озарить огромное подземелье разом было интересно. Но непрактично. Даже если нашлось бы нужное количество свечей, менять их пришлось бы без передышки: пока зажжёшь последнюю, впору идти к первой. А Лайла берегла свою магию для более серьёзных нужд.

Дойдя до развилки, Рэксволд повернул в сторону комнат и вдруг остановился. Из-за плывущего навстречу женского силуэта. Хоть он пока плохо читался в сумраке, но казался совершенно незнакомым. Неужели в крепость проникла демонесса? Ладони медленно легли на рукояти кинжалов. Однако секундой позже удалось рассмотреть блёклый багрянец глаз – всё же вампирша. Руки спокойно опустились, а взор заскользил по прояснившейся одежде. Тёмная юбка до колен. Голубоватая блуза с элегантным бантом на груди. Кружевные манжеты.

В свете канделябра оказалась стройная девушка. Русые волосы, собранные на затылке в пучок с торчащим вверх хвостиком. Приятное лицо. Тень улыбки на губах. И крайне притягательные глаза, словно заплаканные из-за аккуратно слипшихся ресниц.

Рэксволд полагал, что вампирша пройдёт мимо, но, когда расстояние сократилось до метра, замшевые сапожки вдруг остановились.

– Занятно. Я представляла тебя иначе. Нэль, – назвала она своё имя и протянула кисть, как ожидавшая приветственного поцелуя леди.

Странное поведение незнакомки вызвало неоднозначные чувства. С одной стороны – внезапная общительность, с другой – попытка доминирования манерами.

– Ничего не попутала? – внимательно всматривался в бледное лицо ассасин.

– Нет, – улыбнулась Нэль и опустила руку. – Ты же – Рэксволд. Храбрый воин, в одиночку сразивший варга.

– Хм. Так-то оно так. Но моё имя более известно в западных королевствах. С чего вдруг молва с севера пришла?

– Самому лютому бурану не занести настоящей славы. Я была в Грондэнарке с миссией. Мерзкий край, правда? Эста любит отправлять меня в богом забытые места. Побаивается. Как и многие. А я вот, вернулась. Раньше срока. С успехом. И тут же задалась вопросом, почему половина моих братьев и сестёр вдруг расположилась в старинной крепости. Видишь, как интересно складываются события...

– Не спорю, странное совпадение. Но так-то мир круглый. Всякое случается. А побаиваются тебя почему? С виду симпатичная. Сердца через глотку вырываешь? – усмехнулся ассасин.

Нэль закатила глаза:

– Какая банальщина, – двумя дисками вечерней зари они спустились обратно: – Первой причиной является ксенофилия...

Рэксволд сделал шаг назад:

– Что ещё за дрянь?

Девушка негромко рассмеялась, сверкнув кончиками острых клыков. Потом же пристально посмотрела на ассасина:

– Она не заразна, глупенький. По крайней мере, телесно. Ксенофилия – это жажда всего неизвестного. Каждого вампира исцеляет своя эмоция. Спокойствие. Грусть. Ярость. Меня – блаженство от новых ощущений. И с каждым разом найти их всё сложнее.

– Ясно... – задумчиво покивал Рэксволд. – Раз про первую заикнулась, есть и другие?

– Только одна. Но крайне страшная. Вряд ли ты захочешь знать...

– Если это не то, что от меня могут подхватить друзья, мне абсолютно плевать.

– Уверен? – взгляд вампирши стал пронзительным: казалось, она смотрела прямо в душу.

– Железно, – отрезал ассасин. Что бы ни крылось за вызовом, Эста не допустит кровопролития на охраняемой территории: уж слишком много сделано для доверительных отношений.

– Сам попросил...

Мгновением позже Рэксволд понял, что больше не видит перед собой Нэль – только... зажённый канделябр. А следом осознал, что смотрит в другую сторону. Ассасин обернулся: вампириша стояла на прежнем месте.

– Ты меня развернула... – голос не мог скрыть удивления. – Хах... И дело не в скорости... Я бы почувствовал... – в карих глазах мелькнуло просветление: – Это гипноз?

– Был бы мой дар обычным гипнозом, не действовал бы на подобных мне, а Эста бы не создала из-за меня Манифест Добровольности... – Нэль на секунду скосила взор к своему плечу, словно кого-то услышала в тёмном проходе позади. – Мы ещё встретимся. Поздравляю с грядущим отцовством. А бочонок спрячь понадежнее, – тихо добавила она и распалась на чёрные клубы.

Рэксволд же стоял как вкопанный: лучше уж высокомерные рожи под носом, чем чужие глаза в голове. Кто она? Зачем приходила? И чего хочет в будущем? С этими мыслями ассасин побрёл в сторону комнат, пока чёрная броня не сделала его частью мглы. Ненадолго. Уже за поворотом ждал тусклый свет, долетавший от следующего канделябра. Он вернул матовый блеск ножнам и контуры хмурому лицу: ответы на вопросы так и не нашлись.

* * *

Старинную крепость наводняли многочисленные трещины, выбоины и выжженные пятна. Из всех напоминаний о недавней осаде дожди смогли унести лишь следы крови. Потому Джон любил устремлять взгляд за пределы крепости. Вот и сейчас, стоя на стене, он смотрел, как внизу, на окружённом мальвой зелёном пятачке, безмятежно паслись пять лошадей. Вокруг них ходил беловолосый воин в тёмно-серой броне. Едва животные пытались приблизиться к благоухающему великолепию, он преграждал им путь копьём и разворачивал обратно.

Услышав рядом шорох, Джон повернул голову, чтобы увидеть, как Эрминия складывает руки на обломанный зубец стены.

– Решила подышать свежим воздухом?

– Вроде того, – девушка облокотилась на шероховатую поверхность, и её золотистая коса сползла по плечу.

– Погода сегодня и впрямь хорошая, – Джон посмотрел на затянутое облаками солнце: – Душно, но не жарко. А то вчера, думал, клёпки на броне поплавают.

Удостоив его кожаную кирасу мимолётным взглядом, Эрминия тускло улыбнулась:

– Хочешь на север? Где плевки звенят.

– Нет уж, спасибо, нагостился, – со смешком отреагировал Джон. – Как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Хотя... если честно, нет там ни черта хорошего, – в серых глазах мелькнула тоска, и, качнув чёрными прядями, он вновь уставился на лошадей.

– Вот тут я с тобой соглашусь.

На минуту воцарилось безмолвие, в котором осталось лишь наблюдение за животными и ходившим по кругу воином. А потом Эрминия кивнула вперёд:

– Уму-разуму учишь. Не боишься, что лошадей потравит?

– На фоне остальных цветов Ардонэйзии, мальва почти не ядовита. Да и справляется пока... под надзором.

– Важное уточнение. Свою спину я б ему не доверила.

– Меня больше заботят наши новые союзники, – заметно тише сказал Джон. – Лошади всхуливали. Нервничают: чувствуют хищников. Считаю, среди волчьей стаи живут. И главная волчица явно не так проста. Нам всё дают, со многим помогают. Даже Скарги вылечили. Однако ничего не просят взамен. Как бы ценник потом не оказался неподъёмным.

– Неужто больше доверяешь колдуну? – Эрминия поймала пристальный взор.

– Скорее да, чем нет. Он хотя бы не лжёт. Недоговаривает, кидается двусмысленными фразами, но не лжёт. Следи себе за речами, ищи подвохи. А тут... слишком уж мягко Эста стелет, – Джон снова сбросил взгляд со стен. – Пока не узнаем, чего она хочет, нужно держать нос по ветру.

– Только «пока»?

– И то верно... – сошёл с уст тихий вздох. – Стая самобытна. Охотник в ней не приживётся, олень – пойдёт на корм. Нам остаётся быть волками.

– Это если мы хотим прижиться... – Эрминия перестала облакачиваться на зубец. – Я у мишеней. Будет желание, приходи, – она направилась в сторону каменной лестницы.

– Хочешь, чтобы я снова тебя обставил? – посмотрев на девушку, улыбнулся Джон. Он уже не раз мерился точностью с северянкой и ассасином: азартные тренировки – небольшое, что развлекало однообразие каменных стен.

Эрминия остановилась, повернула голову к плечу, по спокойным губам скользнула тень усмешки:

– А сколько раз ты проигрывал... – и спина в кожаной броне цвета земли продолжила отдаляться.

– Тут не поспоришь, – буркнул себе под нос Джон. Затем вновь посмотрел на зелёный пяточок.

Лошади степенно паслись по центру. А вот воин, воткнув копьё у ноги, крутил в руках какой-то красный цветок. Точно не мальву. Слишком уж шарообразный. Потом выбросил его, внимательно изучая свои пальцы.

– Что там, Шойсу? – свесившись, громко спросил Джон.

– Жгуший, – поднял глаза тот.

– Жгучий... Как бы опять Лайлу звать не пришлось... – на сей раз вздох вышел шумным. – Может, тебя укусил кто? Погодь, сейчас спущусь, гляну, – Джон скрылся из виду, но потом возник вновь и быстро скрестил запястья: – Не трогай больше ничего, – строго потребовал он, а затем указал на лошадей: – Отгоняй, – после чего пропал за зубцами окончательно.

– Suh'ouzt, – проворчал Шойсу, растирая покрасневшие пальцы.

* * *

К закату из крепости стал доноситься глухой скрежет. Если бы багровые лучи могли заглянуть за стены, то узрели бы, как в сумраке внутреннего двора фигуры в тёмных балахонах двигают тяжёлые цилиндры. Их было двенадцать. Каждый высотой с молодую берёзу, а обхватом в вековой дуб. Двигаясь, они начисто сбивали мох, царапали мостовую и расставлялись так, чтобы получилось подобие круглой колоннады.

Рэксволд, попиравший плечом стену, внимательно наблюдал за приготовлениями. Как и Лайла с Эрминией, что стояли в метре перед ним.

– Мне прям интересно, – посмотрел он на спину в платье. – Все порталы похожи друг на друга?

– Нет, – не отводя взора, ответила Лайла. – В отличие от чар Тмы, чары Света изобилуют сольными вариациями, но для массовых телепортаций специфичны сложные энергетические структуры, независимо от магического полюса.

– Гадость какая, – поморщился ассасин и поймал удивлённый взгляд зелёных глаз. – Заканчивай со своими умными книжками. А то будто желтоглазку слушаю, – дал он объяснение прежде, чем Лайла стала искать его на лице подруги.

– Между прочим... – с нотками возмущения заговорила вампирша.

– Нашла кого слушать, – перебила Эрминия, что своим спокойствием вмиг притушила разгоравшийся пожар. – Он за всю жизнь две книжки прочёл, да и то, чтоб меня впечатлить. А твоя магия нас уже столько раз из дерьма вытаскивала...

– У-у-у, как всё запущенно, – заулыбался Рэксволд. – Вы забыли, как шутки выглядят? Так возьмите энциклопедию да посмотрите. До библиотеки рукой подать. Хотя, насколько я понял, если там энциклопедия и встретится, то это будет чтиво про циклопов, – он усмехнулся, и его взор заметался между девушками, чтобы заметить на их лицах хоть каплю веселья. – Ну же. Не доходит?... Энциклопедия... Циклопы...

– Прости. Я сейчас не могу оценить твой юмор по достоинству, – от карих глаз взгляд вампирши устремился к расставленным по кругу цилиндрам и ходившим меж ними силуэтам. – Какое-то дурное предчувствие возникло. Словно туча на горизонте, – она тихо вздохнула. – По-видимому, пришло осознание, что мы вот-вот отправимся навстречу неизвестности.

– И? Ладно Эрми уже готова врагов кромсать, она всегда такая перед дальними походами, но ты-то чего хандришь? Я кому про Грозные Острова рассказывал? Пальмы! Солнце! Песок!

– И шторма через день, – кисло улыбнулась Лайла.

– Так надо ж от солнца отдыхать, – поймав её взгляд, Рэксволд подмигнул. – И, вообще, на пальмы с песком шторма не влияют. Ну... за редкими исключениями. У нас так одного кокосом снесло. Насмерть, – ассасин сделал короткую паузу. – Да шучу я. Утонул он. Блево-тиной захлебнулся.

– Ты отвратителен, – пряча улыбку за волосами, отвернулась Лайла.

– Знаю. Зато настроение тебе поднял, – карий взор устремился к входу в крепость. – О, а вон и наши лошадики идут, скакунов ведут. Ладно, пойду шмотки притараню. Давай тут, нос не вешай, – легонько тронув вампиршу за плечо и звучно шлёпнув северянку по заднице, ассасин направился к побитому осадой донжону.

Эрминия проводила спину Рэксволда тяжёлым взглядом, вернула его к цилиндрам и неспешно проговорила:

– Порой, отбросив эмоции, я задаюсь вопросом, почему из всех мужей семи королевств выбрала именно его. Ответа как не было, так и нет.

– С этим разобраться просто, – повернула голову Лайла. – Ты жалеешь о своём выборе?

– Нет, – прозвучало без тени сомнения.

– Значит, ответ и не нужен.

Девушки продолжили наблюдать, как ловкие руки в тёмных перчатках соединяют все цилиндры блестящими тросами.

* * *

Когда небо окончательно затянули сумерки, а цикады стали громче птиц, странники были готовы к телепортации. Все пятеро с навьюченными лошадьми стояли в кругу из цилиндров. Не хватало только Скарги, какой из-за занятости Лайлы часто пропадал в местном лесу. Иногда, объезжая окрестности, больше по старой привычке, чем из чувства тревоги, Джон замечал его: один раз – смакующего нектар цветов, другой – сидевшего на могиле бывшего хозяина. Но чем бы ни занимался мефит, он всегда возвращался с первыми звёздами.

Вот и сейчас выпорхнувший из-за стен Скарги сделал круг над внутренним двором крепости и осторожно спикировал на руки Лайлы.

– Так... – нежно сказала она. – Ты снова с дарами? – пальцы сняли с рогатой головёнки сырой листик. – Липа. Всё лучше, чем пчелиные укусы.

Прищулив тёмные глаза от приятных поглаживаний, мефит тихо уркнул. А затем резко напрягся. Причиной волнения стала бледная девушка в кремовом платье, что приблизилась к ромбической решётке из тросов.

– Эста, – Лайла поприветствовала знакомую тёплой улыбкой.

– Пришла посмотреть, как подобие тюрьмы становится началом свободы.

– Я рада, что ты здесь. Я должна лично поблагодарить тебя за всю оказанную помощь. Без «Лунного венца» у меня бы ничего не получилось, – приложив ладонь к груди, где висели золотая роза и серебряный полумесяц, Лайла уважительно склонила голову.

– Уникальность, помноженная на амбициозность и благие намерения, заслуживает поддержки. Без исключений, – Эста тоже улыбнулась, отчего багрянец её глаз стал совсем тусклым. – И всё же, как бы мне ни хотелось помочь тебе в дальнейшем, мои возможности ограничены восточным континентом. На островах ты будешь предоставлена самой себе. Но иди вперёд, не оглядываясь. Помни, что твоё имущество под надёжным присмотром. Ты – Соратница «Лунного венца».

Лайла немного смутилась, однако, поглаживая мефита одним пальцем, быстро нашла подходящие слова:

– Я перед тобой...

– Нет, – прервала её Эста. – Не нужно речей, – она обвела взором странников, молча державших под уздцы лошадей, а затем вернула его к собеседнице. – Просто отыщи то, что ты ищешь. Иначе бывшие победы и, к сожалению, жертвы станут напрасными.

– Сделаю всё возможное, – кивнула преисполненная ответственностью Лайла.

– Тогда... приготовьтесь.

Отойдя на несколько шагов, Эста направила ладони на решётку – по тросам, сотканными из чёрного тумана змеями, расползлись длинные потоки. Цилиндры задрожали, а секундой позже их с лязгом переборщило. Однако ни Лайла, ни её спутники этого уже не видели. На месте, где они стояли, светлела лишь стёсанная энергией мостовая. На какую тонкими ручейками стекала кровь. От цилиндров. А в одном из них, повреждённом настолько, что разошлись листы металла, можно было увидеть бьющиеся в судорогах тела людей.

– Семьдесят два, – раздался за спиной Эсты глубокий мужской голос. – По шесть на каждый.

Вампирша бросила взгляд через плечо, и тот вонзился в бледное лицо под тёмным капюшоном.

– Не сильно меньше, чем в прошлый раз, – спокойно ответила она. – Продолжай улучшать методику.

Под тихое журчание, ручейки сливались в багровые лужи, в которых отражались сизость небес и высокая плата за чужие инновации. А за стенами по-прежнему раздавалось беззаботное пение цикад...

Глава 1

По солнечному побережью прокатилась энергетическая волна. Она качнула пальмы, подняла в небо белое облако чаек и переполошила всех крабов, что стали один за другим зарываться в песок.

Странники с лошадьми стояли на крошечной мостовой. И если первые неторопливо озирались по сторонам, то животные, наострив уши и выпучив глаза, удивлённо вертели головами: им было невдомёк, почему вокруг всё внезапно стало ярким и просторным, а шум волн позади заставлял оборачиваться. Лишь Бамбук лениво принялся к солённому бризу и положил подбородок на плечо Джона.

– Ну... это явно не Ардонэйзия, – задумчиво осматривался тот. – Эста не говорила, куда именно нас отправит?

– Я не уточняла, – удерживая подласую кобылу левой рукой, правой Лайла прижимала к груди мефита. – Ведь даже не знаю, откуда начать поиски. Скарги. Разведка, – вслед за командой ставший невидимым мефит устремился в небо.

– Да какая разведка? – Рэксволд шагнул вперёд, увлекая за собой каурого коня. – Это Дамское Побережье.

Джон сперва хотел спросить про странное название, но потом направил взор вглубь острова, где над пальмовыми зарослями высились три похожих на юбки утёса.

– Пойдёмте сразу до родника прошвырнёмся, – бросил назад ассасин. – Тот, что у крепости, меня давно заманал. То привкус гадкой пылицы, то дохлые мухи плавают. Здесь такого не будет.

– Это как? – Джон вместе с остальными зашагал вперёд. – Тут насекомых, что ль, не водится? Или зелени цвести не надо?

– Ты поспорить хочешь? – оглянулся Рэксволд. – Смотри, я тебя, усатый-бородатый, здесь в два счёта обставлю. Эти земли – родная гавань свободолюбцев. А я из их числа. И частью души по-прежнему пират.

– Свой последний абордаж хоть помнишь? – влезла в разговор Эрминия, за которой на верёвке плелась гнедая кобыла. – Или вдрызг пьяным был?

Лайла с Джоном улыбнулись, а спереди прилетел ответ:

– Освежу тебе память словами наставника: «Запоминать что-то последнее – признавать, что оно не повторится». Потому ром – отличный помощник. Просто нужно знать меру.

– У пиратов одна мера: если влётку – значит, хватит. А потом блевать дальше, чем видишь.

– Эрми, Эрми... – повернул голову Рэксволд. – Я, кажись, понял, почему ты так ненавидишь выпивку. Это в тебе зависть говорит. Внимание! Сейчас пойдёт привычная песня о том, как пойло даже бравых воинов превращает в вялую скотину... – на лице ассасина отметилась усмешка.

Хмурая северянка, приоткрытый рот которой уже почти выпустил несколько слов, сомкнула губы, а потом спокойно проговорила:

– Хороший пёсик. Дрессированный.

Лайла с Джоном продолжили потешаться над разборками друзей, а вот Шойсу разговоры вообще не интересовали. Присев на корточки, он пристально рассматривал маленькое создание, что с разведёнными клешнями двигалось боком в сторону воды. На сей раз тёмный палец решил не прикасаться к неизведанному. Вместо этого мелькнула мысль изучить объект издалека: копьём. Как минимум перегородить дорогу и оценить реакцию. Но потенциальная опасность вкупе с удаляющимися спинами спутников приглушили интерес. Надземелье бесценно, и, чтобы исполнить свою миссию, нужно остаться в живых. Новый опыт хорош лишь тогда, когда позволяет улучшить отношения с группой. Осторожно встав, Шойсу взял под уздцы чалую кобылу и пошёл за остальными.

Едва лошади пообвыклись после телепортации, пешая прогулка превратилась в поездку. С тёплого песка да в нагретые сёдла, пока солнце печёт макушки. Джон первым окинул себя взглядом. Плотная кираса теснила штаны, стекавшие по ногам кожаной чешуёй вплоть до самых сапог. Ну хоть перчатки не надел: наручами ограничился. Хотя впору было позавидовать Шойсу. Его странная диагональная куртка защищала лишь правую сторону – левая, от живота до кончиков пальцев, могла наслаждаться бризом.

А вот Рэксволда жара не смущала. Пока группа углублялась в пальмовые заросли, он ни на минуту не замолкал. Раз уж речь зашла о выпивке и пиратах, последние в его устах обелялись до оттенка, рядом с которым даже мел показался бы серым. И честь у них есть, и смелость, и даже выпивку употребляют лишь ввиду того, что добавленный в пресную воду ром продлевает её срок хранения.

– А когда мы ошивались вблизи берегов, вливали лимонный сок. Вода, конечно, портится быстрее, зато не страшна цинга. Видишь, Эрми, у пиратов всегда всё по уму.

– Звучит практично, – глядя, как тени пальм скользят по шее лошади, согласилась Лайла.

– Особенно жрать пойло в три горла на суше, – немигающий взор северянки вонзился в чёрную спину. – Тут тоже водой в бочках отмажешься?

– Так это, чтоб устойчивость не ослабла, – направляя коня меж высоких кустарников, Рэксволд на секунду обернулся: – Не будешь крепко стоять на ногах, в шторм волной смоем.

Лайла не смогла понять, шутит ассасин или нет. Слишком серьёзным было его лицо. Хотя на недоступной глазу стороне вполне могла притаиться ухмылка. Или выползти потом.

– И на всё-то у тебя есть ответ, – усмехнулся Джон, переминавший в пальцах повод.

– А когда я за словом в карман лазал? – самодовольно, но уже вперёд бросил Рэксволд: вдалеке, среди изогнутых, точно танцующих, стволов виднелся просвет. – Почти приехали.

– Что ж. Не терпится взглянуть на твой хваленый родник. Без мух и пылицы.

– Зато с группой людей, – прищурившаяся Лайла растерянно трогала пальцами висок. – Не менее десяти человек. Все при оружии.

– Скарги? – посмотрел на неё Джон и получил утвердительный кивок. – А делают что? Нас поджидают? – лежавшая на бедре ладонь медленно взобралась на рукоять меча.

Складывая в голове запечатлённые с разных ракурсов образы, вампирша остановила кобылу. Остальные в ожидании её ответа тоже придержали лошадей.

– Наполняют бочки водой и катят к скалистому заливу, – взгляд Лайлы устремился в пальмовые заросли на востоке, словно она видела его воочию. – Там стоит корабль. «Узница берегов». На нём ещё люди.

– Умеешь обнадёжить... – Рэксволд не скрывал разочарования. – Думал, разбойники какие завелись, родник прикарманили. Размялись бы хоть. А тут... – он направил коня к просвету. – У Шмыгающего Мыса частенько бросают якорь корабли. Водича на халяву. Кто ж откажется? Поехали.

Копыта зашуршали песком, и всадники двинулись навстречу источнику, который годами служил спасением для всех, кого не устраивали портовые цены. Конечно, можно было легко наполнить бочки в ливень, но вода из местных, богатых минералами недр всегда считалась целебной. Капитаны это ценили: когда к команде редко прилипает хворь, то и плавание сулит успех. Дождевой водой на островах разве что скотину поили, да и то лишь нерадивые хозяева.

Выезжая из зарослей, странники теперь и сами могли видеть людей, что толпились у небольшой, сложенной из камней пирамиды. От её приплюснутой вершины в сторону тянулся каменный жёлоб, с какого в подставленную бочку срывалась журчащая струя. Судя по внушительной очереди из бочек, моряки здесь планировали провести ещё час-другой.

Однако едва они завидели всадников, вода их перестала интересовать. Все, как один, уставились на незнакомцев. Загорелые лица моряков не выражали настороженности – лишь любопытство. Оно вылилось в ухмылки и обмен короткими фразами. Лайла слышала их настолько отчётливо, что могла в точности повторить любую, а вот значение было недоступно: местного языка она не знала.

Зато знал Рэксволд, чем не преминул воспользоваться:

– Здорова, мужики, – остановил он лошадь перед толпой. – Нам бы чуток воды набрать.

– В Эльтароне кончилась, что ль? – блеснув золотым зубом, ухмыльнулся лысый моряк, и со всех сторон раздались смешки.

– Чёрт его знает. Далековато проверять.

– Ну, значит, подождёте, – он кивнул на длинный ряд бочек, и его зуб снова засиял в такт лысине. – Чужатые должны знать своё место. Всё по Кодексу, – скрещённые на груди крепкие руки взбугрили складками потёртый жилет.

– Ты, конечно, слухастый, раз мой акцент выцепил, но больно много на себя берёшь, – Рэксволд соскользнул с лошади, расстегнул шипованный наруч и поднял запястье с тёмной татуировкой. – Я вполне себе здешний. Просто отошёл от дел.

– Хагган, – влез в диалог долговязый с бакенбардами. – Ты только глянь... Да не на баб, а на вон того, за ними...

Лысый и другие моряки удивлённо уставились на Шойсу, который, как назло, выехал на всеобщее обозрение, демонстрируя бирюзовые глаза, синеватую смуглость и белые, точно снег, волосы, которые недвусмысленно пронзало острое ухо.

– Свя-тые щупальца... – не мог отвести взгляда Хагган, даже руки от озадаченности разомкнул. – Что с ним?

– Действительно хочешь знать? – увидел внезапную возможность Рэксволд.

– Ну.

– Гну. Дай фляги наполнить. Тогда расскажу.

– Не, братец, – нахмурился Хагган и демонстративно расправил плечи. – Так дела не делаются. Торговаться-то можно, но ты с ходу диктуешь условия. Может, ты меня не уважаешь?

– Не «может», а «точно», – спокойно ответил Рэксволд. – Я тебя первый раз вижу. За что мне тебя уважать?

– Хагган Всемечущий, – донеслось слева: голос подал конопатый моряк в красной бандане. – О чём-нибудь говорит? Нет? Тогда какой же ты здешний?..

– Самая меткая рука на островах, – вызывающе бросил кто-то из толпы.

Купаясь в лучах славы, что согревала тело похлеще солнца, лысый довольно осклабился:

– Равных ещё не видал.

Рэксволд глубоко вдохнул и, выпустив раздражение через нос, примерил улыбку:

– Болтать все горазды. Давай в сагáю зарубимся, – толпа сразу же загудела, кто от возмущения, кто от предвкушения, но пришлось говорить громче: – Выиграешь, отвечу на твой вопрос и добавлю пригоршню золота. Нет – свалишь в сторону и дашь наполнить фляги.

Хагган окинул собеседника оценивающим взглядом. Рельефный нагрудник с боковыми ремнями. Шипы на голенищах, наручах и наплечниках. Четыре кинжала, в ножнах на поясе и бёдрах.

– Дерзко... – улыбнулся он. – Но мне нравится... Десять метров. Пять бросков. И можешь тащить сюда моё золото. Пусть у судьи лежит.

– Мне плевать, кто будет судьёй, но поймаю на мухлеже, – Рэксволд обвёл толпу недобрым взором, – отрежу руку.

– А я – вторую, – лысый вытащил из-за спины нож. – Думаю, это заверение повесомее, чем то, что у нас пройдох нет.

Всадники стояли чуть поодаль и молча наблюдали за непонятной беседой. Когда раззадоренная толпа стала расступаться, оставляя в центре двоих, безмолвие нарушил угрюмый голос Джона:

– По-моему, дуэль назревает. Рэксволд – засранец. Хлебом не корми, дай кого-нибудь разукрасить...

– Надеюсь, не насмерть? – Лайла повернула к следопыту взволнованный лик. – Я могу...

– Подожди... – Джон заметил, как высокий моряк несёт верёвку со множеством узлов. – Это... сагáя?

– Сагáя?

– Пиратские поигрульки, – Эрминия откинула косу за спину и поправила металлические пальцы. – Сильно его зацепили, раз позволит лапать клинки...

– Игра такая, – посмотрев на вампиршу, улыбнулся Джон. – Если кратко, надо метать клинки так, чтобы окружить ими соперника. Количество бросков ограничено. Как закончатся, замеряют расстояние между отверстиями. У кого меньше, тот и победил. На деле правил больше.

– Ага. Задел соперника – потерял бросок. Ранил – проиграл. Корячиться, как шлюха, чтобы подгадить метаящему, не запрещено.

– Какая странная игра... – покинув северянку, изумрудный взор устремился к Рэксволду и моряку, что стояли в метрах десяти напротив друг друга.

От яркого солнца песок казался белым. Неподалёку одиноко журчала наполняемая бочка. Сейчас до неё никому не было дела – все смотрели на состязавшихся.

Между ними возник паренёк с голым торсом и причёской, напоминавшей сползшее гнездо из мелких косичек:

– Судить буду я. Ещё раз по правилам. Сагая пятибросковая, поочерёдная, полувлитая, – он смотрел, как игроки нагибаются и очерчивают клинками ногу, что не должна смещаться. – Отлично. Раз готовы, кинем кости, кто будет первым.

– Не надо, – держа руки у ножен, Рэксволд прожигал Хаггана немигающим взглядом. – Пусть начинает...

– Быстрее начнём, быстрее закончим, – ухмыльнулся тот, разминая запястье, отчего нож в руке озорно бликовал. – Мой ход.

Качнувшаяся назад кисть и – бросок. Небрежный. Почти ленивый. Таким обычно кидают ненужную карту на игровой стол. Нож сверкающей стрекозой рассёк воздух и вонзился в метре от чёрного сапога.

Рэксволд опустил взор на медную рукоять в форме часового с башенным щитом. На его плоскости блестели буквы, но расстояние не позволяло прочитать надпись. Однако сомнения не было: скоро она приблизится. Ведь это пробный бросок. Разминка перед настоящим состязанием.

– Я даже позу менять не буду, – насмешливо донеслось издалека.

– Да, не трать силы, – поднял глаза Рэксволд. – Не поможет.

Молниеносно выдернутый из ножен кинжал вспорхнул, точно птица, и закончил дугообразный полёт слева от коричневых ботфуртов. Всего в полуметре. Угрожающем полуметре. Пустые слова ничего не стоят, а такой дебют заставил Хаггана напрячься. По крайней мере, он ненадолго притушил свою улыбку.

Шурша песком, судья поочерёдно проследовал в обе стороны, чтобы аккуратно извлечь клинки и воткнуть в отверстия костяные колышки. Эта традиция тянулась с тёмных веков, когда ставкой в сагае могла быть лишь собственная жизнь – тогда из костей проигравшего делали памятные колышки. Иногда под именами даже маленькие портреты вырезали. Сейчас же для игры подходили любые колышки, главное, чтобы костяные.

Вернув клинки участникам, судья встал посередине и объявил:

– Второй раунд! – затем сделал несколько шагов назад и занял наблюдательную позицию в первом ряду толпы.

– Давай, Хагг, покажи ему! – выкрикнул кто-то.

Под одобрительные свисты и хлопки Хагган указал ножом на Рэксволда:

– Знаешь, чем отличается умелый от везучего? – под приподнятой губой сверкнул золотой зуб. – Постоянством.

Рука отправила нож в вялый полёт. Кривой, как и оставшаяся позади ухмылка, из-за чего казалось, что клинок даже не вонзится – кубарем поскачет по песку. Но нет. Бросок вышел удачным. Нож воткнулся неподалёку от первого отверстия. Теперь их было два, и напоминали они ферзей, желавших потеснить короля. Или как-то так. В шахматах Рэксволд был не силен. Зато знал толк в метании стали.

– Всемечущий, – подхватил смешок мимолётный бриз. – Икру тоже мечешь? – облачённые в чёрную кожу пальцы искусно завращали кинжал. – Смотри, как бы не пришлось.

Второй бросок. Такой же точный, как и первый. От победоносно заблестевшего возле ног кинжала Хагган прищурился, собрав возле глаза веер морщин.

Не отводя от соперника пристального взгляда, Рэксволд дерзко сплюнул в сторону.

Лайла, как и другие всадники, внимательно следила за состязанием.

– Я правильно понимаю, что Рэкс выигрывает? – тонкие, перебиравшие гриву кобылы пальцы выдавали волнение.

– Пока да, – Джон смотрел, как паренёк с оголённым торсом собирает клинки. – Бросков будет явно не два. Пять, видимо. Неспроста же в самый первый раз судящий поднимал ладонь с растопыренными пальцами.

– Не зря в следопыты подался, – подтвердила наблюдения Эрминия.

– Ну, не знаю, – усмехнулся Джон. – Лютня мне тоже неплохо давалась.

Шойсу – единственный, кто хранил молчание. Понимая происходящее меньше всех, он изредка кидал на спутников скользкие взгляды: считывал реакции, которые твёрдо говорили, что если угроза и присутствует, то ничтожно мала.

– Третий раунд!

– Ну давай теперь по-серьёзному... – хищной ухмылке Хаггана могли позавидовать акулы: уголок рта уплыл так далеко, что обнажил прореху в зубах. – Хочешь икры? Жри полной ложкой.

Метая нож, моряк резко выбросил руку вперёд. В таком положении она и осталась, словно задавала направление. Так это или нет, но нож воткнулся сбоку от чёрного сапога, всего-навсего в дюйме! За такую точность и душу демонам не жаль продать! Толпа радостно зашумела. А вот Рэксволд и ухом не повёл, словно, кроме него и соперника, никого не существовало:

– Н-да. Наконец докинул. Хоть рукоять теперь рассмотрю, – лёгкий наклон позволил прочесть надпись на щите часового. – О, клинок-то именной. Только имя не твоё. Трофейный аль с барахолки какой? – выпрямился ассасин.

– Ни то, ни другое, – невзирая на усмешку, ответ вышел сухим.

– Ясно. Ворованный, – акцент на последнем слове был поставлен не зря: в отличие от грабежей воровство пираты считали унижительным.

– Не угадал.

– Тогда кто такой Фюнгерд? А-а-а, – Рэксволд загадочно улыбнулся. – Понимаю... А мне вот девки больше нравятся.

Из толпы донёсся хриплый смех.

– За языком следи, – процедил Хагган. – Это память о брате.

– Ладно-ладно, – миролюбиво приподнял ладони Рэксволд. – Я лишь предположил. Просто, глядя на тебя, я бы даже не удивился.

– Сучара дрыснявая, – едва не шагнул вперёд Хагган: вовремя себя одёрнул. – Нарываешься?

– Он же тебя нарочно злит! – донеслось из толпы.

– Да знаю я! – зло огрызнулся Хагган. – Выбесить меня – его единственный шанс.

– Тут уж ты врешь, – покачал пальцем Рэксволд. – Понятия не имею, как ты, а я пять ходов так простою. Без смены позы. Все эти выгибания и растопырки для неудачников. И вообще. Спасибо бы сказал. Я ж тебе одолжение делаю. Моего золота тебе не видать, как своего блестящего зуба. А вот его-то ты как раз мог потерять. Лыбился часто. Теперь не потеряешь...

Лицо напротив перекосило от злости:

– Я тебя, шута горохового, сперва в сагаю уделаю, а потом, коли не обгадишься, в дуэли прирежу!

– Давай-давай, – издевательски усмехнулся Рэксволд.

– Время, – подал голос судья. – Ещё пятнадцать секунд, и бросок не будет засчитан.

– Ага, – кивнул ассасин. – Эх, люблю сагаю с огоньком! – большой палец погладил гравировку змеи на рукояти, а спустя мгновение кинжал засверкал в воздухе.

Вонзился он справа от ботфортов, достаточно близко. Теперь возле каждого игрока было два отверстия спереди и одно сбоку. По передним лидировал Рэксволд, по боковым – бес-

спорно, Хагган. Однако по общей длине сторон условные треугольники практически не различались. Отчего было вдвойне важно, кто и как превратит свой в трапецию.

Лайла заметила, что после недавнего разговора лысый моряк стал нервным, если не сказать, озлобленным. Едва она задумалась о причине, как вздрогнула от внезапной тяжести на плече. Метнувшийся туда взгляд застал лишь примятое незримыми лапками платье.

– Скарги... – виновато сказала вампирша, и мефит тихо уркнул. – Прости, я о тебе совсем забыла, – нащупав, пальцы погладили рогатую головёнку. – Наверное, весь остров уже успел изучить? А я так увлеклась состязанием, что невольно закрыла ментальный канал.

– Скарги знает, когда возвращаться, – кивнул вдаль Джон. – Сейчас самое интересное начнётся.

– Разве? – покосилась Эрминия. – Ясно ведь, что Рэкси его как плевков разотрёт.

– Хотелось бы. Но лысый – меткий, зараза, так просто не сдастся, – взгляд серых глаз соскользнул с лица северянки и долетел до профиля дреу: – Шойсу, а ты как думаешь: кто победит? – поворот беловолосой головы принёс охапку непонимания, и Джон почесал напечённый солнцем затылок: – Как бы тебе объяснить...

– Fosvzhus, – вдруг с оттенками шипения произнесла Лайла. – На его языке это означает что-то вроде соперничества.

Выговаривать незнакомое слово Джон даже не собирался:

– Слышал? – улыбнулся он. – Кто из них победит? – указательный палец поочерёдно обозначил цели: – Рэксволд или вон тот?

– Fosvzhus? – по губам Шойсу скользнула еле различимая ухмылка, а после они нетипично вытянулись, чтобы выпустить эльтаронскую речь: – Друшба.

– Ага, держи карман шире, – Эрминия посмотрела в бирюзовые глаза. – Сам-то понял, что отчебучил?

– Да, Шойсу, удивляешь, – усмехнулся Джон. – Но мимо. Тут вообще дело дракой пахнет. Уж больно недобрый у лысого взгляд.

Наградив говоривших немигающим взглядом, дреу уставился на Лайлу.

Та думала хоть как-то перевести сказанное на его язык, но вдруг засомневалась в своих познаниях. Почему именно дружба? Возможно, загадочное, шипящее слово имеет более враждебный окрас. Ведь война – это тоже соперничество...

– Четвёртый раунд! – судья попятился к толпе, откуда доносились ликующие возгласы и одобрительные свисты.

А ещё – звон монет. Моряки делали ставки. Но не на победу Хаггана – она была для них очевидна, – а на то, с четырёх или пяти бросков Всемечущий загонит соперника в сблёв кита. Так здесь называли безысходное положение.

Хагган вонзил взгляд в Рэксволда:

– Что примолк, аки стерлядь? Понял, что выбесить не получится?

– Ты кидай, не отвлекайся, – флегматично прилетело спереди.

– Спешешь просрать золотишко? Хах, тут я прям рад тебе помочь.

Засверкавший в воздухе нож воткнулся возле чёрного сапога, на сей раз другого и не так близко, но бросок всё равно вышел достойным.

Рэксволд ответил без промедлений: смерил взглядом неотмеченное колышком пространство возле ботфуртов да отправил туда кинжал – просвистевшее остриё наполовину вошло в песок.

Каждому игроку удалось вычертить трапецию. В обоих случаях линия между боковыми точками пересекала ступню. Поэтому трапециям было суждено превратиться в пятиугольники. Тот, кто искуснее сделает отверстие позади соперника, станет победителем. Или – проигравшим. Если сделает отверстие в сопернике. А то и – мертвецом. За века существования игры случалось всякое. Особенно в последнем раунде.

Пока судья занимался колышками, напряжение только росло. Соперники прожигали друг друга взглядами. Из толпы вырывались нетерпеливые возгласы. Взоры всадников отличались пристальностью. Казалось, сами окружающие прогалину пальмы склонились, чтобы не пропустить долгожданный финал.

Наконец клинки вернулись к игрокам, и судья демонстративно поднял над головой последнюю пару колышек:

– Пятый раунд! Заключительный.

Перекидывая нож из ладони в ладонь, Хагган бросил взгляд на толпу:

– Как, братва? Ещё потянем сома за хвост? Или заканчивать будем?

Над грянувшим многоголосием отчётливо взмыло: «Давай уже!».

– Ну, раз просите, – кривую ухмылку украсил золотой блеск. – Так тому и быть, – от ухмылки не осталось и следа: лицо вмиг подёрнула строгость, а рука отправила нож в полёт.

Рэксволд, как и обещал, просто стоял – лезвие просвистело возле его колена и уверенно вошло в песок, пригвоздив стройную тень где-то посередине.

– Вот и всё, дружок, – с наигранным сочувствием сказал Хагган. – Чтобы победить, ты должен закинуть мне за спину, притом удачно, а я этого сделать не дам. Продул ты золотишко.

Он опустился на корточки и вытянул нескованную правилами ногу вбок до самого колышка. Следом чуть развёл руки в стороны: ладонями к сопернику, широко растопырив пальцы.

Рэксволд впервые за всю игру посмотрел на внимательно наблюдавших друзей, затем перевёл взор на суровый лик Эрминии. Поймал взгляд серо-голубых глаз. И смотрел до тех пор, пока её непоколебимость не дала трещину: возлюбленная едва различимо кивнула.

Лишь тогда ассасин приподнял голову. Прищурился от яркого солнца. Медленно опустил веки.

– Потяни, потяни время... – заворчал Хагган. – Будто это что-то изменит.

Но Рэксволд не слушал его. Пальцы неспешно поглаживали змею на рукояти, а уши – внимали далёкому окружению. Журчание переполненной бочки. Тихий шелест пальм. Крики чаек в небе. С каждой секундой пальцы двигались всё медленнее. Пока не замерли окончательно. Как и дыхание. Умиротворение на лице. Осторожный поворот головы. Поцелуй ветра на щеке. Нежный. Затяжной. Испив его до последней капли, ассасин открыл глаза. Ещё раз оценил расстояние до Хаггана. И вертикальным броском отправил кинжал в небо, куда вмиг устремились многочисленные взгляды.

Задранные головы. Гробовая тишина. Скользнувшая по песку тень.

Услышав позади себя глухой отрывистый звук, Хагган удивлённо обернулся: совсем неподалёку торчал кинжал. Не нужно было ничего чертить, чтобы увидеть замкнутый пятиугольник, стороны которого никак не пересекали ноги.

– Как?!. – вырвалось из груди вскочившего Хаггана. Он был растерян, сломлен, буквально растоптан.

– Как? – спокойно прозвучало в ответ. – Если мы сразимся, ты тоже удивишься, как быстро окажешься с перерезанной глоткой. И на твои оба «как» будет один ответ. Я – Рэксволд Гауц.

Хагган остолбенел. По толпе же расплзлись негромкие голоса. Страхнув с себя оцепенение, судья резво закинул на плечо моток узловатой верёвки, но вот вселить уверенность в голос ему не удалось:

– Игроки... остаются на местах. Я должен... подытожить.

– Валяй, – Рэксволд посмотрел на Эрминию и улыбнулся.

Сколь серьёзной та ни казалась, её губы тоже ненадолго приютили улыбку: всё как в старые добрые времена.

Пока паренёк измерял расстояние между колышками, Хагган стоял истуканом и молчал, словно воды в рот набрал. За него говорили глаза: взгляд такой, точно призрака увидел.

В толпе же продолжали шушукаться. Некоторые моряки подошли ближе. Оценивающе смотрели. Но ни грамма агрессии в них не было – только удивление.

– Двенадцать с половиной против десяти! – громко объявил судья. – Победил... Рэксволд.

Махнув рукой на загалдевших дружбанов, Хагган направился к Рэксволду:

– Надо же. Я представлял тебя как-то иначе, – он указал подбородком на чёрные ножны. – Знаешь, у нас с короткими тыкалками ходят лишь рыбаки, болваны и мастера клинка. На рыбака ты не похож. А встретить ассасина, что копытит землю в такой компании... Сам понимаешь.

– Ага, – Рэксволд покосился на друзей и уверенно рубанул ладонью в сторону родника.

– Да-а, ты хорош, – с усмешкой продолжил Хагган. – И на руку, и на язык. Давненько меня так никто не злил. Аж кровь закипела.

– И как, откипела? Если всё ещё хочешь меня зарезать, я не против разобраться, – Рэксволд наблюдал, как с блестящей лысины на лохматую бровь стекает капля пота.

– Ну извини уж, ляпнул сгоряча. Так-то нам делить нечего. Я ж тебя знаю. Заочно.

– Боги, да в каждой команде найдётся тот, кто хоть раз слышал обо мне.

– Не-не-не. Я не по слухам знаю. Нам капитан рассказывал. Когда-то вы с ним не разлей вода были.

– Да ну? Имя назови.

– Густаф.

– Чего-чего?.. А ну-ка, опиши его.

– Ну, такой... чернявый, кудлатый, с золотой серьгой...

– Да, это он, – обрадованный Рэксволд хлопнул Хаггана по плечу как старого приятеля.

И этот хлопок не остался незамеченным. Пока остальные наполняли фляги, Лайла пристально наблюдала за ситуацией: вдруг игра действительно выльется в конфликт и понадобится помощь – огненные руны были наготове. Однако, судя по всему, победила дружба. Лайла перевела взгляд на стоявшего рядом Шойсу, который внезапно оказался прав. Совпадение? Или иномирец видел то, чего не видели живущие здесь всегда?..

Размышления прервал окрик Рэксволда:

– Эрми! – он шёл навстречу и широко улыбался. – Ты не поверишь, чей корабль в заливе! Густафа!!!

Впервые за всё время, сколько друзья знали Эрминию, та от души выругалась на колючем языке севера.

Глава 2

Кокосовый остров – такое название получил песчаный островок с одинокой, похожей на форт мельницей. Сколько она ни меняла владельцев, никогда не простаивала без дела. Ведь кокосовая мука – основа многих блюд архипелага, а добытая из плодов вода – питательное подспорье родниковой. Каждый месяц лодки увозили с острова увесистые бочки и мешки. С учётом того, что мельница была построена на совесть, веками переживала самые грозные шторма, казалось, промысел вечен, однако беда пришла, откуда не ждали...

Стук лодки о небольшой причал. Шелест накинута на столбик верёвки. Скрип досок под тяжёлыми сапогами. На берег сошла пара крепких мужчин в свободных штанах и распахнутых камзолах, из-за которых угрожающе торчали рукояти сабель. Однако, что ещё хуже, на них темнели гравировки оскаленных собачьих морд. Это могло означать лишь одно: кто-то нарушил Кодекс и «псы» пришли восстановить справедливость. Иногда их ещё называли

«псами Рордрага», в честь третьего правителя Грозных Островов, какой и назначил местных головорезов поддерживать закон любой ценой.

Мужчина с короткими пепельными волосами посмотрел вдаль, на сложенную из каменных глыб мельницу, крылья которой медленно нарезали солнечный свет:

– Толстопузый неплохо устроился. Такую крепость отхватил после старикана.

Второй, рыжий, с заплетённой в косицы бородой, усмехнулся:

– Завидуешь ему?

– В текущем-то положении? Нисколько. Запороть уйму сделок и сидеть отмалчиваться...

– Может, сдох?

– Может. Но рыбаки свет в окнах видели, – волосатая рука почесала не менее волосатую грудь. – Значит, есть с кого спросить.

Мужчины направились к входу. По обложенной камнями дорожке. Мимо колючих зарослей облепихи и высоких пальм. Когда сапоги уже топтали отбрасываемую мельницей тень, а до поржавевшей двери оставался десяток шагов, та вдруг закрипела – наружу вышла стройная девушка. Её простенькое платьице сразу же затерялось в лучах обаятельной улыбки:

– Гости? Как внезапно и... приятно.

Мужчины остановились. Седоватый мазнул взором по белоснежным зубам, ярко выделявшимся на фоне длинных чёрных волос. Затем поднял его к глазам и отвёл в сторону край камзола:

– Всё ещё приятно?

– Не то слово. Даже интригующе. Это намёк на грабёж?

– А больше в голову ничего не приходит? – бросил рыжий.

– М-м-м, твой друг хочет, чтобы я пощекотала ему бочок? – девушка удивлённо похлопала ресницами.

Седоватый нахмурился, подошёл к ней почти вплотную и заглянул в сиреневые глаза:

– Ты либо очень смелая, либо дура. Хотя, скорее, косишь под дуру. Тебя жемчужные зубки выдают. Помнится, у жирдяя дочь была, которую он на материк спровадил. Всё переживал, что светлая головушка здесь с каким-нибудь запойным пиратом свяжется. С возвращением.

Девушка на секунду оторопела, а потом печально вздохнула:

– Сдаюсь. Вы меня раскрыли. Я та самая дочь, – по губам мышкой юркнула игривая улыбка. – Может, и имя моё помните?

– Кому ты нужна, имя твоё помнить... – рыжий поднял взор к темневшему на уровне второго этажа окну. – Зови папашу. Не то прирежем.

– Вижу, вы ребята серьёзные. Убедили. Что ж. Давайте поговорим серьёзно. Отца здесь нет. Он уплыл на материк поправить здоровье. А всё это, – девушка оглянулась на мельницу, – оставил на меня. Теперь я здесь главная. Но двух недель мало, чтобы со всем разобраться. Может, объясните: кто вы и чем недовольны?

– Мы – закон. И как раз таки всем довольны, – ухмыльнулся седоватый. – Горемыки вроде тебя нас «кормят». А вот трактирщикам нечем кормить голодные рты. Догадываешься почему? Догадываешься. Ведь поставок нет ровно две недели.

– Они тебя с дерьмом готовы сожрать, – сказал другой. – И я их понимаю: столько злотней наперёд отвалить.

– Ты грубо нарушила восемнадцатый параграф Кодекса, – продолжил первый. – О деловедении. И наша задача сделать так, чтобы подобное не повторилось. Потому я задам тебе простой вопрос: шрам на щеке или отсутствие пальца?

– Так бесповоротно? – изогнулась бровь над сиреневым глазом. – За первую провинность?

– А что, предлагаешь простить тебя за красивые глазки?

– Простить? Нет. Не люблю чувствовать себя должной. Но, может, вы хотите покарать меня как-то иначе? – изящный пальчик проскользил по нежным губам и скрылся в вырезе платья. – Чтобы я запомнила.

– Думаешь, нам бабы не дают? – рыжий смотрел так, точно ему в лицо плюнули. – Да у меня порой член высохнуть не успевает, как рядом уже очередная вьётся.

– Клинки тоже нужно увлажнять, – волосатая рука легла на рукоять сабли. – Чтоб не обижались.

– Мне видится всё немного иначе, – улыбнулась девушка. – У каждого из вас есть повод отринуть моё предложение, – лукаво прищуренный взор кольнул рыжебородого: – У тебя, вероятно, повод маленький. А у тебя – вялый.

– А в ней что-то есть, – грубые пальцы оставили клинок и задумчиво почесали косматую грудь. – Явно не в отца-слюнтяя пошла, – седоватый оглянулся: – Не хочешь заморскую дерзость на свой кол насадить?

– Даже не знаю... – рыжий лениво приблизился, взял девушку за подбородок и оценивающе повертел красивое лицо, точно коня себе выбирал: – Так-то ничего необычного. Если только глаза. Сиреневых я ещё не встречал.

– Милый, – с придыханием прошептала та. – Если я не сумею вас впечатлить, можешь отрубить мне всё, что посчитаешь лишним.

– Знает, на что давить, чертовка... – рыжий потёр бороду кулаком. – Ну пойдём. Оценим тебя.

Скрип ржавой двери пригласил всех в озарённое потолочной лампой помещение, где царил приторный запах кокосов. По центру тихо гудели жернова. Слева, под винтовой лестницей, грудились пухлые мешки. А справа, вдоль стены, стоял массивный стол и несколько стульев. Пока мужчины осматривались, девушка улыбнулась:

– Наверху есть удобная кровать.

– Незачем, – отрезал седоватый. Он неспешно подошёл к столу и со скрежетом выдвинул его на метр.

Сверлящий взор из-под седых бровей был крайне красноречив – девушка, покачивая бёдрами, направилась к предложенному месту. Элегантно взмахнув волосами, развернулась. И грациозно уселась на край. Ладонь, скользнувшая вниз по стройным ногам, вернулась со скомканным подолом и застыла между бёдер.

– Кто будет первым? – томный взгляд приманил обоих воинов.

– Предлагаешь кому-то подождать? – рыжебородый толкнул девушку в плечо, и она податливо распласталась поперёк стола, свесив с другой стороны голову со смоляным водопадом волос. – Умница, всё верно поняла.

– Я необыкновенно смышлёная, – промурлыкала девушка и обхватила ногами седоватого, а когда над её подбородком щёлкнула пряжка, развратно облизнулась. – Не бойся, я не кусаюсь... – влажные губы изогнула улыбка, вмиг пронзённая твёрдой плотью.

Так жгучая брюнетка оказалась во власти двух мужчин. Бояться они и не думали. Как и себе в чём-то отказывать. Пользовались ей, точно вещью. Каждый со своей стороны. Однако оба были приятно удивлены. И не только её сладкими постанываниями и умелыми движениями в такт.

Не отрываясь от процесса, седоватый поймал взгляд рыжего:

– Деваха-то узкая. Я, как сунул, был готов поклясться, что непорченная. Но крови нет. Ни капли. Да и по всему остальному явно опытная. Кому расскажи, не поверят, брехлом назовут.

– И меня с тобой на пару. Заглатывает, как акула. А зубов притом будто нет: ни разу не задела, – рыжий держал ладони под затылком девушки, чтобы управлять глубиной проникновения. – Кажется, я влюбился.

– Какой раз по счёту, Кегги?

– Не, в этот раз по-настоящему, – едко улыбнулся Кеггильтон. – Я вот прям чувствую, что могу поделиться любовью. Уже скоро. Ещё немного. Вот сейчас, – он потянул на себя голову девушки, и её лицо оказалось вжатым в пах. – Ну, как? Чувствуешь любовь? А заодно и повод. Всё ещё маленький?.. – торжествующий взор упал на женское горло, напряжённое, как струна, из-за грубо запрокинутой головы. – Хм, – удовлетворение плавно сменяла озадаченность: – Не кашляет. Не отбивается. Не мычит. Как так?..

– Не удави только. Иначе самим придётся дерьмо с поставками расхлёбывать.

– Да... – буркнул Кеггильтон и сделал шаг назад, чтобы увидеть перевернутое лицо девушки: на нём не было ни красноты, ни намёка на страдания, даже слёзы от удущья не выступили.

– Понравилось? – из-под ресниц вылетел уже знакомый, лукавый взгляд. – Мне – тоже, – аккуратно вытерев губы, брюнетка привстала на локтях: – Отстаёшь, красавчик.

Изящные ножки сильнее сдавили бока седоватого, превратились в плотный аркан наслаждения, что заставил двигаться быстрее. Казалось, если ничего не делать, тело будет дёргаться само, раз за разом вгоняя твёрдую плоть в пленительное нутро. Через полминуты мужчина запыхтел и даже попытался отстраниться, но аркан не позволил.

– Не переживай, – усевшись, девушка погладила влажное лицо напротив. – Это ничем не грозит, – наблюдая, как мутные капли превращают редкие морщины в ручейки, как шумное дыхание обветривает губы, она наконец улыбнулась и разомкнула ноги.

Тряхнув головой, точно уставший после пахоты конь, седоватый отошёл.

– Если ничем не грозит, почему ты ещё здесь? – натянувший штаны Кеггильтон вразвалку прогуливался по помещению. – Из тебя бы вышла отменная шлюха. Возможно, даже куртизанка, – он легонько пнул стоящий в углу ящик и обернулся к сидевшей на столе девушке: – На кой ляд тебе мельница?

Сиреневый взор взмыл к потолочной балке, а на нежных губах притаилась загадочная улыбка:

– Стратегия.

– Стратегия?.. – под пальцами седоватого щёлкнула пряжка. – Ты ж ни черта не знаешь. Ни о мельницах, ни о наших законах, – он тоже с непониманием уставился на девушку. – Чем ты подсобишь отцу, если у тебя её отберут за долги? Всегда раздвигать ноги не выйдет. Лучше уж продай. Пока можешь.

– Ах, мальчики, ваша проблема в том, что вы не видите главного. Сходства. Между мной и мельницей. А ещё «псами» зовётесь.

Невзирая на то, что брюнетка непринуждённо закачала ножками, воины заметно напряглись.

– Да-да. Нюх, как у щеночков. Но я смотрю, прорезается, – она глядела на замершие у сабель руки через насмешливый прищур.

– Она из банды, – Кеггильтон выдернул из ножен клинок. – Мельница захвачена, – строгий взгляд метнулся к уходящим вверх ступеням. – Это засада.

– То-то мне помнилось, что дочка светленькой была... – седоватый полоснул взором железную дверь. – Но это не засада. Пять минут назад нас было убить куда проще. Кто ты? И чего хочешь?

Внимание обоих воинов было приковано к спокойно сидевшей девушке.

– Ответ в вопросе, – сиреневый взгляд казался дурашливым. – Что общего у меня с этой мельницей? – в одно мгновение он стал острее пики. – Одиночество... Несокрушимость... Крылья...

Два кожаных крыла с треском разорвали платье. Точно у летучей мыши! Но на том странности не заканчивались. Гладкий лоб девушки теперь увенчивали торчащие вперёд рога: дуго-

образные, с обращёнными к потолку кончиками. На пальцах рук темнели когти, вместо ступней – копыта. Позади же змеей извивался остроконечный хвост.

Воины стояли истуканами и молча смотрели. Хоть позади них и был выход, никто даже не попятился.

– Гонец предупреждал, что вы заявитесь, – демонесса сложила крылья, и те превратились в два высившихся над плечами шипа. – Пока мог. Сколько вас таких было. Старик, рабочие, праздный гуляка. Эта мельница словно приманивает души.

Отойдя от изумления, Кеггильтон крепче сжал клинок:

– Ну вот, Барг, а ты не верил, что Гарольд русалку видел.

Встав в боевую позу, Баргонт медленно потянул из ножен саблю:

– Она, в первую очередь, баба, – он твёрдо взглянул в сиреневые глаза, где вместо круглого зрачка ныне стелился горизонтальный. – Справимся.

– А вдруг нет? – насмешливо спросила демонесса. – Позади вас дверь. Даже не попытаетесь убежать?

Баргонт нахмурился, словно штормовой ветер бросал ему в лицо песок:

– Мы – «псы Рордрага». Когда мы идём, толпа расступается. Когда скалимся, перед нами падают на колени. Ведь если мы вцепимся, то намертво.

Завеса пафоса провисела недолго: её пронзил холодный голос Кеггильтона:

– Иди сюда, сука, – шагнул он вперёд. – Я добавлю тебе отверстий.

– Люблю отважные сердца, – копыта коснулись пола, и демонесса встала, роняя с себя разодранное платье. – Приятно трепыхаются в когтях.

Резко расправленные крылья. Закачавшаяся под потолком лампа. Зловещее мерцание света. Огонёк в стеклянной колбе съёживался, словно раб под кнутом хозяина. Не хотел видеть того, что происходило внизу.

Свист сабли. Глухой вопль. Шлепки падающих кишок. Свет выхватил перекошенное от боли лицо Кеггильтона, и оно снова утонуло в сумраке. Воинственный рёв. Блеск клинка. Искры. Свет упал на открытый рот Баргонты, где в алом бульканье, точно обгорелые деревья в лаве, торчали чёрные когти.

Левая кисть демонессы пропадала в горле, правая – в животе. Она выдернула их одновременно, и окровавленные воины попадали на пол. Они были ещё живы. Кеггильтон стонал и корчился от боли. Баргонт хрипел, пытаясь зажать хлеставшую из горла кровь.

– Абсолютно согласна. Скучно. Но энергия сейчас слишком ценна. Я трачу её лишь на смену облика. Хотя... в этот раз придётся выводить пятна.

Демонесса приблизилась к Баргонту и поставила копыто на побледневшее лицо: грубо сплющила нос, вжав его в верхнюю губу. Затем перенесла вес на приподнятую ногу, а спустя секунду оторвала от пола вторую – нос закричавшего мужчины хрустнул, по подбородку побежали алые ручейки. Но и этого демонессе показалось мало. Ловко балансируя на лице, она стала пружинить: чуть приседать на одной ноге и вставать, точно проверяла череп мужчины на прочность. С каждым разом всё сильнее. А тот только и мог, что протестующе булькать. Когда копыто уже откровенно врезалось в лицо, голова Баргонты неприятно затрещала и из ушей полилась кровь. Лишь тогда демонесса успокоилась. Посмотрела на бездыханное тело и ловко спрыгнула на пол. Застывшая над трупом ладонь. Аккуратно сомкнутые когти. Прикрытые в предвкушении глаза. От мертвеца к руке стали тянуться космы бледного тумана:

– Блаженство... – улыбка обнажила четыре белых клыка. – Жаль, недолгое... – демонесса перевела взор на второго воина.

Тот времени не терял. Измарав пол гирляндой кишок, успел вооружиться и отползти к стене. Сидя возле неё, он пытался дрожащей рукой вернуть внутренности в распоротое брюхо. Второй же крепко сжимал саблю, точно боялся её снова потерять.

Шумный взмах крыльев. Стук приземлившихся копыт. Насмешливый голос рядом:

– Щеночек заскучал?

Тяжело дышавший Кеггильтон поднял глаза. Демонесса находилась всего в метре. Нагая и ничем не защищённая. Рука с клинком дёрнулась в сторону живота, но выскочивший меж изящных бёдер хвост перехватил запястье. Обвил его, точно змея, да настолько туго, что пальцы разжались – выпавшая сабля со звоном упала на пол.

– Неужели ты хотел меня поранить? – промурлыкала демонесса, и хвост отпустил обессиленную руку. – После всего, что я для тебя сделала?

– Я...

– Был не прав? То есть ты осознал свою вину. Это повод проявить великодушие. Прощаю. А теперь давай приведём тебя в порядок.

Демонесса сделала шаг, и внизу что-то хрустнуло, отчего Кеггильтон надрывно заорал.

– Ой, – копыто было переставлено в сторону. – Бедный мизинец. Больно? Ну, не обижайся, – голос наполнился сочувствием. – Я же не специально. Забудем? Как насчёт примирительных объятий?

Демонесса опустила с доброжелательной улыбкой, заключила воина в самые ласковые объятия, а тот снова завопил. От того, что неаккуратно поставленное колено прищемило пах.

– Ты чего, милый?

– Слезь!.. Слезь!.. – вопли облеклись в слова.

– Ой, я не хотела, – отодвинулась демонесса. – Я сегодня такая неосторожная. Всё из-за избытка чувств. Тогда обойдёмся без них. Я просто помогу тебе, – её взор упал на торчавшие из окровавленного живота кишки, что собрали на себя весь сор с пола. – Твои внутренности слишком грязные. К счастью, это поправимо.

Потянув кишки левой рукой, правой демонесса принялась за дело – острые когти ловко удаляли налипшие песчинки, холщовые ворсинки и крохотные щепки. Правда, иногда отщипывали и плоть, из-за чего воин стал надрывно орать и дрыгаться в попытке оттолкнуть «спасительницу». В конце концов, это удалось.

– Так вот как ты со мной, щеночек? – недобро встала забрызганная кровью демонесса.

– Хватит... издеваться... Просто... убей.

– Милый, я вовсе не издеваюсь. Всего лишь готовлю. Видишь ли, эмоции незадолго до смерти питают душу, делают её более лакомой. Но они должны быть разнообразными. Удовольствие. Страдания. Надежда. Сомнения. Чего-то не хватает... – губы изогнулись в улыбке, не менее мерзкой, чем склизкие ошмётки на полу. – Вспомнила. Страха. Хочешь поближе познакомиться с жерновами?..

* * *

Прибытие «псов» на остров не осталось незамеченным. В кустах облепихи, между мельницей и причалом, прятался человек. Почти не шевелился, чтобы не раниться о шипы, но иногда позволял себе осторожно срывать оранжевые ягоды и неспешно перемалывать их зубами. Когда ничего не ешь с утра, облепиха кажется не такой уж и кислой, а нотки терпкой горечи в послевкусии – приятными. Арибóру уже давно мечтал о сытном обеде, жареной игуане или рагу из летучих мышей, хотя в душе был согласен даже на сушёную рыбу. Но посторонние запахи и звуки могли испортить весь план. План, суливший немало злотней.

Также Арибóру горячо желал сорвать с головы зелёную бандану и от души поскрести ногтями вспотевшую макушку. Но вместо этого неторопливо поднёс к лицу подзорную трубу. Навёл на мельницу. Маленькие тёмные окна на серой стене не поведали, почему «псы» до сих пор не вышли. Возможно, они решили объяснить хозяйке её неправоту. Тем лучше. Не будет потом артачиться.

И всё же стоило уйти. Пока никто не решил загнать в колючие заросли раненого рабочего или не отошёл помочиться. Заметят – проблем не оберёшься. Не скажешь же «псу», что влез на чужой остров яголки пособирать: так в кустах и останешься. С подзорной трубой в заднице. Выкинуть не получится – эти умеют вынюхивать, обшарят каждый дюйм. Впрочем, с ней или без, разницы уже не будет...

Арибору медленно стёк на песок и ничком выполз из-под колючих ветвей. В сторону берега, где на каменистой отмели была припрятана лодка. По пути сорвал бандану и наспех взлохматил волосы. Сандалии прошуршали до отполированных приливами глыб, захлюпали по мелководью, ловко перемахнули через деревянный борт. Бросив опасливый взгляд на прибрежные заросли, Арибору налёг на вёсла и больше уже не оборачивался.

Он взял курс на соседний, подёрнутый дымкой островок. Крайне зелёный. С высоким берегом. Там, вдали от волн, в тамариндовой роще, тебя могли побеспокоить разве что пёстрые попугаи. Да и то лишь от желания полакомиться фруктами, какие коричневыми стручками увешивали все деревья. Потому место идеально подходило для тайных встреч.

Вытащив лодку на берег, Арибору направился к рощице. Стоило раздвинуть ветви и войти в неё, как путь преградил необыкновенно белокурый парень:

– Ну? – голубые глаза альбиноса нетерпеливо искали ответ на уставшем лице.

– Да... – обогнув приятеля, Арибору двинулся к лежавшей у кострища сумке.

– А я говорил, – ухмыльнулся альбинос. – У хозяйшкы должок перед казной. Раз «псы» уже отметились, завтра вечером к ней наведается сборщик долгов с охраной. Готовы играть свои роли?

– Там делов на пять минут, – копошился в сумке Арибору. – Если не раскусят и не погонят взащей...

– Погонят? – удивлённо приподнялась белёсая бровь. – А немного, по-твоему, я зачем нанял?

Пихнув в рот ломоть жареного мяса, Арибору посмотрел на сидевшего в сторонке мрачного мужчину, чьи тёмные волосы вились вдоль лица и падали на широкие плечи. Тому было достаточно поднять взгляд, тяжёлый и холодный, чтобы еда во рту почти утратила вкус. Когда всё закончится, стоит узнать, где Альб его подобрал. И никогда не ходить в тех краях. На редкость жуткий тип.

Глава 3

Едва лодка ударилась о борт баркентины, Рэксволд первым взобрался по штормтрапу. На палубе его уже ждали. Несколько человек. Взгляд впился в того, что стоял посередине. Из-под тёмной треуголки выбивались смоляные кудри. В ухе блестела золотая серьга. А красная, как угли, рубаха, удачно контрастировала с чёрными кожаными штанами и такими же сапогами. Это был он. Тридцатидвухлетний везучий засранец, что сменил сальную койку матроса на четырёхмачтовый корабль.

– Густаф, старина! – обрадовался Рэксволд.

– Да неужто... – широко улыбнулся капитан и развёл руки. – Иди сюда, сломаю тебе спину! – сделав по паре шагов, старые друзья крепко обнялись. – Сколько штормов отгремело с последней встречи! Я даже не поверил, когда рыбка на хвосте весть принесла!

– Да я и сам не думал, что свидимся когда-нибудь!

– Наконец мне будет с кем на эльтаронском побалакать. А то уж стал забывать его: вся команда из местных да западных. Какими ветрами тебя сюда занесло?

– Да чёрт его знает. Видимо, попутными, – Рэксволд заметил похожую на трезубец короткую бородку. – Погляжу, бритвой научился пользоваться.

– Зато ты себе не изменяешь, – усмехнулся Густаф. – Гладкий, как сосунок.

– Кто к нам пожаловал! – раздалось на языке островов, но с виверхэльским акцентом.

Голос принадлежал девушке с завязанной на животе рубахой. Подстриженные по одной линии ореховые волосы до плеч. Четыре серебряных колечка в ухе. И всё такая же обаятельная улыбка, оттенявшая бесцветный крестообразный шрам на подбородке.

– Рад тебя видеть, Арабеска, – поймал карий взгляд Рэксволд.

– Даже имя правильно запомнил, – приблизилась девушка. – Многообещающе, – она с укором покосилась на стоявших неподалёку загорелых матросов: – А то тут не все поверили в нашу встречу в ущелье. Я, конечно, её немного приукрасила. Самую малость.

– Мачту мне в задницу! – Густаф заметил возникшую над бортом златовласую голову. – Что ж ты не сказал?.. – улыбка Арабески вмиг потускнела, а его стала только шире: – Эрмишка! – приветственно взмыла мозолистая ладонь.

Рэксволду даже не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, как возлюбленная закатывает глаза: эта картина уже стояла перед лицом, как и то, что случится, если друга не одёрнуть.

– Густаф. Не называй её так. Пожалуйста. Один раз она стерпит. Из уважения к нашей дружбе. На второй подправит тебе ребро. А на третий протрёт тобой палубу. От кормы до носа.

– Точно. Дырявая моя башка. Она ж ненавидит это обращение. Хах. Выходит, всё такая же боевая? И вы всё ещё вместе, и не поубивали друг друга? Ну даёте! – едва северянка приблизилась, Густаф добавил тону уважения: – Эрминия. Добро пожаловать на «Узницу берегов».

– С добром и пришла.

– Привет, – со страшным акцентом кинула на эльтаронском Арабеска. – Пойду дальше баллисту чинить, – продолжила она уже на островном и зашагала прочь.

– Хватит глазеть, бездельники, – глянул на остальных Густаф. – Давайте тоже за работу! – его взор вернулся к гостям: – Пойдёмте в каюту, хряпнем рому, и вы мне всё расскажете.

Капитан двинулся в сторону кормы, и Эрминия тихо спросила:

– Какого рожна ты меня сюда притащил? Чтоб нажраться не дала?

– Нет, – обняв северянку за талию, Рэксволд последовал за другом. – Не хочу чувствовать себя бедным. Гляди, какой роскошный корабль у Густафа. А моя роскошь – это ты.

«Сильно же тебя варг потрепал», – вонзив взор в профиль ассасина, хотела сказать Эрминия. Но не заметила там усмешки. Наоборот, обращённый взгляд был настолько искренним, что всякий крутившийся на языке ответ казался неуместным. И она промолчала. Лишь локтем спихнула руку ассасина себе на задницу, чтобы не чувствовать себя совсем обезоруженной.

* * *

Каюта могла похвастаться немалым количеством интересных вещей. Большая, расстеленная на столе карта ведала всё о торговых путях и частых маршрутах военных эскадр. Серебряный канделябр в форме вертевшейся обезьяны, которая держала всеми лапами и хвостом по свече, имел на боку печать виверхэльской казны. А светлевшие на стене челюсти акулы были скрытым капканом, готовым отсечь руку любому, кто тронет размещённый внутри свиток. Но сколько ни смотри по сторонам, сейчас главной достопримечательностью каюты являлся сам капитан. Он стоял с ошарашенным лицом. Не мигал. Не шевелился. Словно воочию узрел легендарный корабль-призрак. Наконец, лежавшие на бочонке пальцы дёрнулись, а следом отлип и язык:

– Как так завязал?! – полный непонимания взор прожигал Рэксволда насквозь.

– Вот так. Полностью, – с нотками грусти ответил тот.

Густаф окинул взглядом сидевшего на стуле друга. С ног до головы, словно искал упущенные детали. А потом вдруг вполголоса спросил:

– Ты подышаешь, что ли?..

– Я что, настолько плохо выгляжу? – усмехнувшийся Рэксволд посмотрел на сидевшую рядом Эрминию и повернулся к другу: – Всё намного хуже, – голос стал серьезнее. – Мир

поддыхает. И без трезвой башки можно гикнуться вперёд него. Я тебе сейчас такое расскажу, что даже укуренному айватосом не привидится. Ты присядь. Чтоб не упасть. Давай-давай. Вот. Готов?

– Чё ты телишься, как селёдка на выпасе, – качнулся в своём кресле капитан. – Вываливай уже, чего мне там привидеться не может.

И Рэксволд поведал другу о своём странствии по четырём королевствам: вкратце, заостряя внимание лишь на удивительных и таинственных событиях. Густаф не перебивал. Заинтересованно слушал, медленно вращая в пальцах сухой, пустотелый стебелёк. Под конец же рассказа задумчиво почесал им под носом:

– Существа, говоришь... Сейчас и впрямь тварюги какие-то непонятные повылезали. Одна такая, крылатая, нам парус порвала и баллисту чуть не выдрала. Еле отбились. Чертовщину я тоже видал. Скажу больше, она меня от петли спасла, – он сунул стебелёк в губы. – Но колдуны... демоны... загробный мир... – Густаф потянулся за лежавшим на столе огнивом: – Признайся, приврал же?

Кивок вставшего капитана призвал покинуть каюту, когда Рэксволд со стуком положил на стол кинжал. Демонстративно отвёл от него ладонь. И тот, истаяв чёрным туманом, вновь появился в руке.

Густаф неторопливо вынул изо рта стебелёк:

– Резонно... Но курить всё равно хочется, – кивок вбок снова указал на выход.

– Эта дрянь убьёт тебя, – со вздохом поднялся Рэксволд. – Сушит мозги похлеще выпивки.

– Айватос сушит, ром увлажняет, – Густаф взялся за дверную ручку, сделанную из эфеса шпаги. – И с мозгами всё в порядке.

– Это ты как так определил? – полюбопытствовала вставшая Эрминия.

– Ну коль, несмотря на многолетнюю привычку, я понимаю, что при вас дымить не надо, то мозги ещё варят. Аргумент? Аргумент. Пойдёмте. Посмотрим, чем я смогу помочь.

* * *

Перила, отделявшие капитанский мостик от палубы, были затёрты ровно посередине. По-видимому, Густаф любил сидеть на них. Задумчиво смотреть на штурвал сквозь облачка дурмана: под крики чаек, под трепет парусов строить великие планы. Но сейчас, выпуская из ноздрей дым, он переводил взор между друзьями:

– То есть вы нашли непонятную штуковину и по куску какой-то тряпки решили, что она родом с Островов. Штуковина может превращаться в разные предметы. Даже в компас. Только тот ни черта не показывает. На этом всё?

Рэксволд, подпиравший плечом мачту, неохотно поморщился:

– Ну как бы да...

– Не густо.

– Что поделать, – усмехнулся ассасин. – Вся густота в дела ушла, аж подавиться можно, а вот дорожка к ним тянется жиденькая.

– Так и скользим... от кучи до кучи, – стоя у борта, Эрминия глядела на искрящееся море.

– И у нас неплохо получается, – весело заметил Рэксволд. – Чуток забрызганные, но не измазанные!

Густаф всхрюкнул от смеха и оживлённо потряс пальцем:

– Вот здесь мы чертовски похожи. Ох, чем я только не занимался. Грабежи. Перевозки. Эскорт по опасным водам. Даже торговлей баловался. И всегда не то что сухим из воды выходил – я гулял по ней, не замочив пятки. К чему это говорю? Я знаю архипелаг, как четыре мачты своей красоты. Вам нужна Южная Скученность. На островах Пальгения и Вилиссия

есть развалины. Совсем древние. Поди, ещё кровавую сагаю помнят. Может, даже её зарождение видели. М?.. – капитан затянулся тлеющим стебельком.

– Можно начать и оттуда, – размышлял Рэксволд. – Глядишь, чего полезное бы вышныряли.

– Ну так в чём проблема? – сквозь улыбку вышел конус серого дыма. – Я подброшу.

– Что, прям дел других нет?

– Подождут. Я тебя сто лет не видел. Сгребай своих с берега да поплыли. Иномирцы там, вампиры или кто ещё. Мне нет разницы. Твои друзья – мои друзья.

– Лошади тоже? – Эрминия повернулась и облокотилась на борт.

– Хах. А почему нет? Я люблю лошадей.

– О, я помню. Потому и спросила.

– Эрми, – Рэксволд внимательно посмотрел на северянку, затем перевёл взгляд на друга.

– Я-то не против. Но как коней сюда затащить? Пристани поблизости нет, так? Иначе зачем бочки лодками таскать.

Густаф затушил о перила почти докуренный стебелёк и закинул его в рот.

– Была одна, да молния спалила, – сказал он, пожёывая айватос. – Чёрным дымком не получится? Как с кинжалом.

– Если бы. С магией всё сложно...

– Ну и кит с ней. Чего жабу за вымя дёргать. Сейчас всё устрою.

Густаф слез с перил и повернулся к палубе, где матросы закатывали в трюм бочки:

– Эй, братва! – обратил он на себя внимание. – Дня два, а если повезёт, и больше, у нас будут гостить мои друзья! Спускайте плот, дуйте к берегу и сделайте всё так, чтобы я не вылавливал по заливу перешуганных лошадей. А потом отметим! С размахом! Сегодня ночью никаких ограничений по выпивке!!!

Хор радостных криков взмыл к парусам – ненадолго рассеял облако паривших над кораблём чаек. А вот громогласный всплеск, грянувший за лязганьем цепей, уже распугал птиц окончательно. Огромный бревенчатый плот редко спускался на воду. Берёгся для особых случаев. И всегда выручал.

* * *

Лайла стояла на носу корабля и глазами порхавшего в невидимости мефита рассматривала галюнную фигуру: резную деву в облегающем платье. Разведённые руки. Зачёсанные назад волосы. И устремлённый к закату безмятежный взор. Она словно летела, была воплощением свободы, настоящим лицом «Узницы Берегов», чей путь могла преградить только суша. Да и то не скоро: та, что стелилась позади, растворилась в дымке, а до новой небеса дважды успеют рассыпаться звёздами.

– Не верится, – повернула голову вампириша. – Мы снова на корабле. Каковы были шансы встретить здесь старого друга Рэксволда?

– Как у иголки в стогу, – Джон, сидевший рядом на бочке, наблюдал за шумными плясками на палубе. – Пока удача ещё с нами, – он перевёл взор на Лайлу. – Если сомневаешься, вспомни, сколько раз за сегодня мы могли утопить лошадей. А при подъёме? Никто не бился в ужасе, не поломался, а ремни даже Бамбука выдержали. Рухнул бы на плот, и всё, конец. Но, помимо удачи, надо отдать должное капитану: руководил умело.

– Да, он дважды приятно удивил.

– Дважды?

– Когда я поднялась на борт, он поприветствовал меня и шутливо попросил не кусаться. Он знает, кто я. Но его это не заботит. Не верится, что это тот самый Густаф, который... мёртвую кобылу...

– Что мёртвую кобылу? – не уловил сути Джон. – Пнул? – он пристально всматривался в загадочное лицо Лайлы. – Я вижу брезгливость... Он из неё что-то приготовил?... Нет? Стал есть сырой? – изогнулась чёрная бровь. – Хуже?... Что можно ещё придумать?... – бровь поднялась выше, а когда щёки вампириши порозовели, то вскинулась и вторая: – Не-е-е-ет, – протестуяще выдал следопыт. – М-да...

– Я случайно услышала эту историю, – виновато сказала Лайла. – Рэксволд с Эрминией тогда в хвосте ехали... – она отвернулась к горящему горизонту. – Ну вот. Теперь я чувствую себя сплетницей.

– За что ты себя винишь? Ты толком ничего не сказала.

– И тем не менее. Учитывая его гостеприимство, получилось некрасиво, – вампириша тихо вздохнула.

За последние месяцы на плечи Лайлы легло немало тяжких испытаний, и теперь она, точно попавшее в колею колесо, легко вставала на путь самобичевания. Джон поспешил сменить тему:

– Кстати, я тоже тебе кое-что не сказал. Видел знакомое лицо. Помнишь ту разбойницу из ущелья, которую Рэкс пожалел? Она здесь.

– Арабеска? – удивлённо обернулась вампириша. – Здесь?

– Да. Сейчас даже скажу где, – отвернулся Джон. – Хм-м-м... Вон, прямо за танцующими.

Изумрудный взор устремился к палубе, где под бренчание четырёхструнной гитары задорно плясали матросы. За ними и правда стояла Арабеска. В такт музыке хлопала в ладоши и весело покачивала головой.

– Почти сразу её приметил, едва на корабль поднялся.

– Наверное, я много чего пропустила. Всем моим вниманием завладел Шойсу. Смена обстановки. Новые люди. Очень уж волнительно было наблюдать, как он себя поведёт.

– Ты не просто наблюдала, – усмехнулся Джон. – Ты его под руку взяла, когда капитан поздороваться подошёл.

– Всего лишь придержала под локоток, – игриво ответила Лайла. – Сам знаешь почему.

– Знаю, – на губах, точно змея в траве, притаилась улыбка. – Захотелось забыться. Он молодой, таинственный иномирец, а твой супруг... – лицезрея, как зрачки вампириши принимают вертикальную форму, а изумруды глаз превращаются в рубины, Джон решил не продолжать – простодушно улыбнулся.

– А мой супруг, – продолжила за него Лайла, – благородный король-консорт, какой, несмотря на водные просторы вокруг, рискует остаться с опалённым языком.

– «Бьёт – значит любит» в новом исполнении? – весело спросил Джон. – Не думал, что стану жертвой народной мудрости, – он встал, приблизился к вампирише и положил ладони на стройную талию: – Есть ли способ избежать этой участи?

– Не шутить на каверзные темы, – пара изящных взмахов ресниц, и от устрашающего взора не осталось следа. – Тебе сложно представить, через что я прошла, чтобы вернуть тебя. Но если бы пришлось, повторила бы каждый шаг.

– Прости дурака, – виновато сказал Джон. – Забываю, что твои воспоминания не блекнут, – он ласково заправил за ухо каштановую прядь, а затем проникновенно посмотрел в изумруды глаз: – Честно, я даже не мечтал, что меня кто-нибудь будет так любить. Чище родниковой воды. Крепче стали. И это взаимно. Для меня нет никого дороже. Хотя, как бывалому солдату, мне порой сложно выразить чувства. Надеюсь, тебе хватает моего тепла...

Не сумев спрятать застенчивую улыбку за волосами, Лайла прильнула к крепкой груди и положила голову Джону на плечо:

– Твои сомнения напрасны... Как показал Виверхэль, всё живое, что есть во мне, даёшь ты...

– Н-да... – раздался сбоку голос Рэксволда. – Люди пьют, играют, веселятся, а голубки всё спорят, кто кого больше любит.

– Тебя не учили не подкрадываться? – подняла голову Лайла: в глазах её читалось возмущение.

– А к тебе что, подкрасться можно? – ассасин карикатурно поднёс к уху согнутую ладонь. – Джон на тебя старостью надышал, что ли? – опустил ладонь. – Или рогатого чайки заклевали?

В отличие от флегматичного следопыта, Лайла эмоционально вспыхнула. А вместе с ней и руны на руках:

– Рэксволд, вот правда, – стала выпутываться она из окрепших объятий. – Я сейчас возьму и...

– Да не кипятись. Глянь лучше на Шойсу, – повернулся к палубе ассасин. – Ты хотела, чтоб он освоился. Вот. Я постарался.

Оценив загадочную физиономию Рэксволда, Лайла с замиранием сердца посмотрела в указанном направлении. Взгляд облетел задорных плясунов, упал следом за ударившей по струнам рукой и двинулся вперёд. Задержался на пятёрке матросов, по очереди бросавших дротики в прибитый к мачте треугольник, а затем резко устремился вдаль. Там, ближе к корме, оживлённо толпились моряки. Вскидывали вверх кулаки, что-то кричали. За фигурами можно было различить ящик, на котором мерялись силой две руки: светлая и тёмная. И дроу явно выигрывал: кисть соперника медленно кренилась к поражению.

Лайла перевела взволнованный взгляд на Рэксволда, и тот сразу же ответил на немой вопрос:

– Успокойся. Я донёс до него, что это игра, а не разминка перед боем. Не нужна ему там нянька. Не ребёнок всё-таки.

– А... – начала было Лайла.

– Никаких «а», – мотнул головой Рэксволд. – Я своим примером показал. Двоих всухую уделал. Он видел, как всё проходит. Видел, что проигравших не добивают. И задирать его никто не станет. Я предупредил: кто хоть пальцем его тронет, даже по пьяни, будет иметь дело со мной. С вопросами тоже докапываться не будут. Тут даже кретин поймёт, что это иностранец, который ни бэ ни мэ ни кукарёку.

– Всё предусмотрел, – усмехнулся Джон и незаметно ослабил объятия: разумные доводы охладили пыл вампириши.

– Ага. Потому пусть играет, ходит, бродит. Следить за ним не нужно. Один хрен, с корабля никуда не денется.

Задумчивость Лайлы вылилась во внезапный ответ:

– Вероятно, ты прав. Моя забота переросла в стремление всё контролировать. Выходит скверно, и это... угнетает, – она подняла взор к надутым парусам, что в лучах заката казались алыми. – Немного свободы пойдёт всем на пользу.

– Вот именно. Идите рому хлебните, потанцуйте, дротики пошвыряйте. Пока можете, – Рэксволд указал вбок, на темневший чернильным пятном горизонт. – Потом всё внизу обсудим. Бывайте.

– М-да... Шторм будет знатный... – смотрел вдаль Джон. – А уж с непьющим Рэксом... Он уже сейчас злой как чёрт. То ли ещё будет.

– Следует отнестись к этому философски, – улыбнулась Лайла. – Мы платим своими нервами за его силу воли, – она нежно прильнула к Джону. – Но на всякий случай держи меня крепче.

* * *

Шторма в островном королевстве очень свирепы. Особенно вдали от берега. Всего за полчаса сумеречное небо с оттисками тусклых звёзд избурилось чёрными тучами, а на корабль обрушился ливень. Настолько сильный, что без рук у лица невозможно было глотнуть воздуха, а озаряемые молниями струи воды напоминали беспросветный туман. Однако странники покинули палубу ещё с первыми завываниями ветра. Так приказал капитан.

У любого, кто впервые спускался в трюм «Узницы берегов», в голове всплывало единственное слово. Гостиница. Это первое, что приходило на ум, когда перед глазами тянулся длинный коридор со множеством дверей. Зато у всякого матроса была своя каютка, свой маленький уголок. Во-первых, такой подход подчёркивал значимость каждого члена команды. Во-вторых, сводил на нет конфликты из-за временного заимствования чужих вещей. А уж бросил где попало – сам виноват. Конечно, случалось и откровенное воровство, но крайне редко: все друг друга знали, а за новичками следили во все глаза. Ушлых быстро выводили на чистую воду. Дважды. Сначала образно, когда дружно били. А потом буквально, когда с пожитками вышвыривали за борт. Команда – это большая семья, и, в отличие от известной поговорки, уродов в ней не терпели.

К странникам тоже отнеслись с должным уважением. Рэксволду с Эрминией выделили каюту в конце коридора, остальным – ещё одну, по соседству. Стены были тонкими, и Лайла прекрасно слышала, как ворчал Рэксволд:

– Ты не член команды, а почётный гость... – явно передразнивал он Густафа. – Торчать тут теперь, за задраенными люками. Тряхнул стариной, угу, как же... – раздался стук вонзённого в дерево кинжала.

Рэксволд был сильно разочарован упущенной возможностью побороться со стихией. Столь странного рвения Лайла понять не могла. Она и не представляла, что волны могут быть настолько огромными. Нет, вампирша их не видела. Зато чувствовала, как тело подолгу косит в одну сторону, пока корабль угрожающе скрипит. Находиться снаружи, в бушующей ночи, совсем не хотелось. Лучше уж здесь, в небольшой комнате, обхватив колени руками, сидеть на полу. Быть причастной к шторму на своих условиях. А когда надоест, перебраться в подвесную койку.

– Чего он вообще за меня распереживался?.. – продолжил сокрушаться ассасин. – Я что, штормов никогда не видел? Погоди... Ты сказала ему, пока я отходил?.. Что ты ухмыляешься? Да?..

– Он меня понял.

– Боги, Эрми... Кто тебя за язык тянул?! Я ведь собирался...

– Что ты собирался? – спокойно спросила северянка. – Быть смытым волной? А мне тут потом одной с пузом ползать? Нет, папашка, обломись.

Раздалось отрывистое рычание, какому могли позавидовать даже голодные псы. За ним послышались быстрые шаги и скрип петель. Меньше всего Лайла хотела, чтобы Рэксволд сейчас явился с обещанной беседой. Была ветхая надежда, что он направится к Джону с Шойсу, которые поили лошадей в конце коридора. Но последующие шаги резко оборвались, и тишину спугнул небрежный стук в дверь.

– Я войду?

– Входи, – уверенно ответила вампирша, а сама обречённо откинулась на стену.

Дверь открылась, впустив в тёмную каюту долетавший из тупика свет. Однако его примеру ассасин не последовал: застыл на пороге.

– Ты чего впотьмах сидишь?..

Лайла наблюдала за мыслительной деятельностью на хмуром лице. Вероятно, сначала Рэксволд вспомнил, что им выдали по одной лампе на каюту, раз повернул голову в сторону лошадей. Потом, судя по брошенному на её ладони взгляду, подумал о магическом пламени. И лишь в конце, рассмотрев в глазах багряный отблеск, понял всю абсурдность вопроса:

– А, ну да... – переступил порог ассасин. – Хотя с огнём было бы уютнее, – проследовал он к Лайле и уселся рядом у стены. – Но на полу обычно уюта не ищут. Шторм?

– Шторм, – без энтузиазма ответила вампирша. – Про столь сильные я только читала... – корабль вновь протяжно закрипел, точно застонал, и она смерила взглядом покосившийся пол. – Невольно задумываешься о собственном бессилии. Магия, золото, титулы здесь ничего не стоят. Мы словно муравьи на ведомой стихией щепке.

– Где ты тут щепку с муравьями нашла? – возмутился Рэксволд. – Там наверху Густаф. Он и юнгой был не промах. А сейчас завтракает акулами, штормами подмывается. Рогатого снаружи не забыла?

– Спит в гамаке, – Лайла посмотрела на койку с красным калачиком посередине.

– Ну вот и всё. Не забивай голову ерундой. Настраивайся на шныряние по древним развалинам. Густаф говорит, они все чёрно-зелёные от водорослей и мидий. И что там навалом хищных крабов. Встречал как-то. Наглые падлы, прям за сапоги цепляются. С виду небольшие, но своей клешней враз отчекрывают ногу чайке. Доберутся до тела – запомнишь навсегда.

– Хуже, если их там не будет... – загадочно сказала вампирша.

– Это да. Ловятся легко. Мясо вкусное, даже приправы не нужны, – Рэксволд посмотрел на укрытый сумраком лик, но там не было ни намёка на гастрономическое предвкушение. – А... В смысле хищник хищника? – он почесал щёку. – Хм. Об этом я как-то не подумал. Вполне могли тварины какие-нибудь завестись. Место-то безлюдное, на отшибе... – дальнейшие мысли вытекли в вызывающий вопрос: – Но мы же готовы? Ты столько книги мусолила, небось, уже и драконов есть чем гонять?

– Ты переоцениваешь мои таланты, – улыбнулась Лайла. – Тем не менее успехи есть. Как в области атакующей магии, так и защитной.

– Что-то как-то мало уверенности в голосе. Нам вообще-то демоническое отродье завалить нужно, чтобы оно наш мир вперёд существ не доконало, – карий взгляд бродил по лицу, цеплялся за эмоции рыболовным крючком. – Или мы, или нас.

Претензии ассасина, какой в серых тонах полутьмы казался особо хмурым, стремительно оттягивали внимание от скрипов корабля и косого пола. Кому есть дело до шторма, когда в душе зарождается собственная буря?..

– Думаешь, я не знаю? – предельно сдержанно спросила Лайла.

– Ладно... А артефакты? Смотрела?

Вампирша оживила в голове образы вещей, наспех сложенных в сумку. Небольшую дугу с рунической вязью: тяжёлую, но полую на концах, возможно, отломанную рукоять какого-нибудь саквояжа. Кандалы, подозрительно лёгкие для своего размера, со странной пружинистой цепью. И чёрный шар, внутри которого витали похожие на звёзды частицы.

– Мельком. Ничего определённого сказать пока не могу.

– Па-ску-дно, – понуро растянулось слово. – Зуб даю, вещицы полезные. У меня на такое глаз намётан.

Один раз неизвестный артефакт уже отметился в руках Эрминии, и всё едва не обернулось трагедией. Хотелось об этом напомнить, да не позволила пощёчина лицемерия. Незримая, но весьма ощутимая.

Около минуты Лайла с Рэксволдом молчали. Приоткрытая дверь позволяла смотреть на стелившийся по полу тусклый свет. Слушать доносившиеся из коридора голоса, изредка сменяемые скрипучей песнью корабля. А потом, когда в дверном проёме замелькали тени, ассасин вдруг спросил:

– А ты что думаешь? – он повернул голову. – Удивление мне тут не строй. Ты ж слышала наш с Эрми разговор. Глаза отводишь. Точно слышала. Так скажи, какого чёрта она во мне сомневается?

– Я бы не хотела вмешиваться... – кольнула взглядом Лайла.

– Брось. Давай, рубани правду-матку. Знаю, ты умеешь. Ну и со стороны, говорят, виднее, – судя по немигающему взору, ассасин был настроен серьёзно – уходить без ответа явно не собирался.

– Хорошо, – Лайла выдержала паузу, чтобы подобрать правильные слова: – Буду откровенна. Рэксволд. Я знаю тебя меньше, чем Эрми. Но, насколько могу судить, ты грозный противник. Игра, драка, смертельная схватка – ты одинаково хорош. Искусен и непредсказуем. А когда ты нацелен на победу, я даже не представляю, как застать тебя врасплох. Думаю, моряк из тебя под стать. Ловкий. Умелый. Опытный.

– Вот именно! – от избытка эмоций ассасин стукнул себя кулаком по бедру.

– И всё же...

– Эх, а так хорошо начала.

– ...остаётся крохотная вероятность, что ситуация выйдет из-под контроля.

– Серьёзно? – гладковыбритую щёку толкнула недобрая ухмылка. – И ты туда же? После всего, через что мы прошли?..

– Риски неизбежны, Рэксволд. Хотим мы этого или нет, – вампирша озвучила банальную истину, но губы ассасина собрались в узкую полоску: он воспринимал сомнение в своих умениях, как оскорбление.

Зрительная дуэль длилась недолго. Снаружи уже приближались голоса, и, раздражённо махнув рукой, Рэксволд поднялся. Секундой позже в каюту устало вошёл Джон, а за ним – Шойсу, принёсший с собой лампу и шлейф лошадиного запаха.

– О, и ты тут, – следопыт не глядя бросил в угол мешочек с овсом. – Передай Густафу спасибо за жерди и парусинные стропы. И что своих прислал помочь закрепить. Не то худо бы сейчас было. Да и за воду. Пьют они будь здоров.

– Угу, – буркнул Рэксволд и направился к выходу.

– Уже уходишь? Ты ж всё обсудить хотел.

– Наобсуждался.

Если бы дроу не отошёл, ассасин бы снёс его плечом. А так он беспрепятственно вышел и пропал в тёмном коридоре, оставив висеть в дверном проёме три взгляда.

– Жгуший, – попытался описать его враждебность Шойсу, после чего аккуратно повесил лампу на торчавший из стены крючок.

– Лучше и не скажешь... – вздохнул Джон и перевёл взгляд на вставшую Лайлу, какая тут же принялась отряхивать платье. – Из-за чего он так?

– Если кратко, – с нотками упрёка ответила та. – Не может признать, что смертный.

Джон многозначительно вскинул бровь и обернулся на зиявший темнотой коридор:

– Ей-богу, лучше б пил.

* * *

Мрачное настроение повело Рэксволда по не менее мрачному коридору. Мимо закрытых дверей, за которыми стояла гробовая тишина. Ни храпа, ни голоса, ни случайного шороха. Хозяева комнатшек утирали нос морю, пока он тут отсиживался внизу. Что за несправедливость?!

Вдруг где-то впереди раздались глухие смешки. Пройдя ещё несколько метров, ассасин остановился напротив чуть приоткрытой двери – на лицо упала полоска жёлтого света. Взор проскользнул в щель, полоснул плечо с татуировкой коронованного ковша, опустился на зажатый в руке веер карт. Кок и прочие, кто сейчас не был нужен наверху, коротали время за игрой. Вот оно, позорное место для непричастных.

Потянув на себя дверь, немного тугую из-за покосившихся косяков, Рэксволд вошёл в каюту. Там, за приколотым к полу ящиком, сидели трое. Бросив карту на россыпь сереб-

ряников, кок повернул голову. Как и остальные. На вопросительные взгляды ассасин ответил приветственным кивком и вынутой из кармана горстью золотых. Моряк с серьгой в носу приглашающе указал ладонью на свободное место – со следующей партии карты сдавали уже на четверых.

За импровизированным столом велась игра в подплывного дурака. Он объединял подкидного и переводного, но отличался возможностью всучивать сопернику случайные карты из битой колоды. Выигрывал тот, кто первым оставался с пустыми руками. И сухой расчёт здесь не помогал: половина победы зависела от удачи. А она, точно наслушавшись Лайлы, была сегодня капризной. За два часа карман не раз пополнялся серебром, но по итогу стал пуст, как желудок нищего. Хотя никто не мухлевал, не отвлекал, не пытался подсмотреть карты. Было вдвойне досадно.

– Не каждый же день побеждать, – отшутился Рэксволд и вышел в коридор более угрюмым, чем до игры.

Спать не хотелось. А вот начистить кому-нибудь морду – вполне. Кровожадность пригасил внезапный поток свежего воздуха. Да и корабль уже не шатало. Азартная игра с подвыпившими пиратами, в которой запах потных тел не мог перебить манящего аромата рома, сузила восприятие до рамок карт. Лишь где-то на задворках подсознания отметились, как недавно в коридоре раздавались голоса. Тогда им не придалось особого значения. А это, между прочим, победившая шторм команда расходилась по каютам. Обсыхать, греться и дрыхнуть с чувством выполненного долга. Иными словами, к позорному поражению в позорном закутке добавилась позорная невнимательность. С таким набором ассасин и побрёл по коридору, к трапу и еле различимому просвету над ним. Эрминия давно спала. Почему бы и не прогуляться?

Выглянувшую наружу голову обдало прохладным ветром. А затем – и всё тело. В черноте вокруг виднелись лишь звёзды и блестящая в их свете мокрая палуба. Всюду раздавались стуки капель. Сразу было и не разобрать: моросил то дождь или тихо плакали сырые паруса. Стоя в безлюдной ночи, Рэксволд ощущал себя запоздалым воином на залитом кровью поле сражения. После блистательной победы в сагае и полосы невезения в картах, в голову невольно лезли гадкие мысли. Ведь однозначно прослеживалось сходство. Две игры. В одной бросались плоские картинки, в другой – клинки. И такой разный результат. Но можно ли сравнивать вялое дёрганье руки и слаженную работу всего тела. Тела, закалённого в жестоких боях и тренировках. Свирепые шторма. Головорезы. Магические твари. Много кто пытался остановить храброе сердце, не видя, насколько сильно оно защищено сталью. Сталью клинков и сталью мышц. А что до волчьего поветрия... никто не знает, нужно ли было колдуну вмешиваться. Возможно, одинокий воин, сразивший варга в честном бою, пережил бы и странную хворь.

Опасения Эрминии с Лайлой не стоили выеденного яйца. Да что там яйца – даже скорлупы. Это и злило. Хотя... их можно понять. Одна – считай, на сносях. Вторая – временами излишне мягкая. Сойдёт за причину не подливать масла в огонь? Ноздри потянули солёную прохладу: немного остудили буйную голову. Сойдёт. Прощены. Обе.

На душе стало легче, а вот в горле прямо пересохло. Ох, уж это великодушие! Желание надраться до чёртиков свербело как никогда. Несложно найти чем и с кем. Но нельзя. Надо держать данное себе слово. Причмокнув от досады, Рэксволд подошёл к борту, за которым во мраке плескались волны. Сплюнул бившее через край искушение. И побрёл обратно. Сопеть под боком Эрминии.

* * *

Порошок из глубинных шестиконечных звёзд – редкий дар морей. Алхимики называли его «ксарикрис» и использовали в качестве основы для зелий, способных облегчить страдания умирающего. В простонародье же он был известен как «звёздная пыль»: достаточно вдохнуть

шепотку, чтобы хмурый день показался радужнее самой яркой мелантении. Один недостаток – вне тары порошок начинал быстро выделять специфический кислый запах. Какое-то время он сохранялся и в дыхании – признать в весёлом человеке употребившего не составляло труда.

После того, как Арабеска чуть не стала жертвой кромсателей, её часто мучили кошмары. Звёздная пыль была спасением. Помогала спать до утра благодатным сном младенца. Вот только Густаф спасительное средство не одобрял. Пусть явной зависимости оно не вызывало, слишком уж сильным было его воздействие. Случалось, ценители эйфории заканчивали жизнь на полу с жёлтой пеной на губах. Потому Арабеска не злоупотребляла. Не чаще раза в неделю. Не больше одной шепотки. И сегодня как раз подошла пора новой. Но вдыхать звёздную пыль в своей каюте – играть с огнём. Если после тяжёлого денька кто-нибудь ненароком не спал, мог унюхать и рассказать капитану.

Свет тоже мог привлечь ненужное внимание. Развешенная в углу мокрая одежда помогала ориентироваться во мраке. Застегнув всё ещё сырые ножны поверх сухой, Арабеска двинулась в противоположную сторону от стука капель. Дошла до шероховатой стены. Осторожно опустилась на корточки.

Обнажённый клинок. Поддетая остриём доска. Вынутая из тайника колба. Убрав нож, Арабеска отточенным движением высыпала на тыльную сторону ладони аккуратную горку. Сунула колбу обратно в тайник. И в предвкушении дурманящего вдоха – рука привычно застыла у лица – направилась к заранее открытой двери. Каюта располагалась в самом начале коридора – пятнадцать шагов по темноте, и вот она палуба.

Босиком выскользнув за порог, абсолютно бесшумно, Арабеска никак не ожидала, что врежется в кого-то не менее тихого. Она не успела даже ойкнуть, как горло обхватили чужие пальцы, а под грудь упёрся кинжал.

– Ты кто? – строго спросил мужской голос. – Какого... – за удивлением последовал кашель, но трёх слов хватило, чтобы опознать неизвестного.

– Рэксволд, – шепнула пиратка. – Это я. Арабеска.

– Ты чего шарись без света? – отпустил девушку ассасин. – И чем ты меня обсыпала? – он вновь закашлялся. – Это что, звё...

– Т-с-с-с, – зашипела змеей пиратка, взяла Рэксволда за плечо и спешно повела к трапу. – Быстрее, на свежий воздух.

При постоянном употреблении порошка, пусть и в малых дозах, воздействие сводилось к долгоиграющему притоку счастья, а вот для остальных... последствия оставляли желать лучшего.

Ночную тишину нарушил виноватый голос Арабески, что не сводила глаз со стоявшего у мачты силуэта:

– Я не нарочно, честно. Ты точно из воздуха появился, – она не глядя отрезала от полы рубахи клочок. – На. Протри лицо. И ноздри прочисть. Прямо сверни в трубочку...

– Не учи, – небрежно взял белевшую ткань ассасин. – Заливаться тебе мало, решила ещё и засыпаться?

– Лишь иногда... – понуро ответила Арабеска. – После той резни на берегу сон стал дерьмовым. Нет, засыпаю-то я шустро, но, бывает, вскакиваю по ночам. В груди колошматится сердце, а перед глазами... исчезающие лица. Лица друзей. Несколько мучительно долгих секунд холодный пот кажется их прикосновениями. Потом приходит осознание... злость... сожаление... Мы с Густафом так и не смогли похоронить их. Иначе б нас тоже выпотрошили.

Рэксволд вытирался в зловещем молчании. В темноте не разглядеть, сердился он или сочувствовал. Пиратка решила продолжить:

– С пылью сон совсем другой. Ночью плюхнулась. Утром встала. Вдовесок весь день в хорошем настроении. Но суть не в нём. После пыли я забываю о кошмарах на полнедели. Полнедели покоя. Понимаешь? – её глаза блестели ярче серёг в ухе.

В ответ – гнетущее безмолвие, сопровождаемое неторопливыми шорохами одежды. Потеряв надежду, Арабеска поникла головой:

– Завтра будет весело. Из команды меня Густаф не пойдёт, но втык даст. Лишь бы не с утра пораньше: дел по горло. Может, хоть после обеда меня сдашь?

– Втык... – Рэксволд вдруг усмехнулся. – Он же не самоубийца... – светлый клочок палым листом осел на палубу. – Вообще забудь. Я ему не скажу.

Арабеска не уловила хода мыслей, но их итог определённо радовал:

– Не скажешь? – заулыбалась она. – Храни тебя море. Буду должна.

Ассасин повернулся. Его взор был едва различим во тьме, но пронзал её насквозь. Пристальный. Немигающий. Вселяющий в сердце необъяснимый трепет.

– Ты?.. – Рэксволд неторопливо помотал головой. – Нет. Это я тебе должен. За твоё решение.

– Решение? – вполголоса спросила Арабеска, будто они обсуждали какую-то тайну.

– Эрми, – внезапно имя одёрнуло сильнее мужской руки.

– Я не...

– Да послушай ты, – ассасин устало потёр лицо. – Я понимаю, чего тебе стоило согласиться. Тебе, воинственной тигрице, на тигрёнка. Нашего тигрёнка. Это и подвиг, и жертва, и судьбоносное решение. В то время, когда мир трещит по швам, а проблемы множатся резвее опарышей. И хоть тигрёнок пока не появился, я благодарен тебе всей душой, – важность сказанного отчеркнула короткая пауза. – Если заметила, я тоже держу слово. Никакой выпивки. Всё, как ты хотела...

Арабеска стояла в оцепенении. И вовсе не оттого, что порошок и мрак помутнили чужой рассудок, нет. Пощадивший её однажды смертоносный убийца, какого, казалось, невозможно сломить, носил под чёрной бронёй простую человеческую слабость! И именно она делала его ещё привлекательнее. Не бесконечно далёкой звездой, а жарким костром, возле которого хотелось остаться.

– Я... ценю это... – шепнула пиратка, осторожно приблизилась к Рэксволду и прикрыла глаза, отдавшись на волю случая.

Несколько секунд до лица долетало лишь дыхание. Тёплое и кислое, как освежающий фрукт. Потом же уст коснулись не менее тёплые губы. Не прерывая поцелуя, Арабеска улыбнулась. Её ладонь поднялась по чёрным штанам и коснулась пряжки – ночь переставала казаться прохладной.

* * *

Лежавшая на боку Эрминия приподняла веки. Прищурилась от света висевшей под потолком лампы. Заспанный взор долетел до соседней койки. Она пустовала. Чёрные перчатки лежали с краю, одна на другой, всё под тем же углом – Рэксволд даже не ложился. Пробуждение было спонтанным, но точно не первым. Вторым? Третьим? Без разницы. В любом случае прошло несколько часов. Долговато черти носят буйную голову по кораблю. Неужто надрался? Или с Густафом ляссы точит?

Смесь беспокойства и любопытства подтолкнула встать – Эрминия пересекла каюту и вышла за дверь. Мечи с собой не брала: в случае пьянки будет велико искушение отсечь живой язык.

Коридор произвёл атаку на сонный рассудок. Взор чернила тьма, слух содрогался от храпа, а в нос лез стойкий запах рома. Тем не менее свет из-под дверей не выбивался. Все спали как убитые. Рэксволда среди них точно не было. Если он где и мог остаться – в каюте капитана.

Неслышная уху поступь хищницы привела Эрминию к трапу, наполовину озарённому холодным сиянием. Северянка посмотрела на тёмное небо, где пухлый месяц висел среди

звёзд, словно султан в окружении наложниц. Затем же взошла на палубу. Внимание привлекли порохи – взор устремился вперёд, к мачте, под которой происходила какая-то возня. Слишком плавная, чтобы быть дракой. Спина в белой рубахе размеренно приподнималась и опускалась в полуметре над палубой. Прохладный ветер донёс женский стон. Арабеска. Больше некому. Видать, ублажала сидевшего у мачты капитана. А может, ещё кого. По ней видно, что она не прочь поскакать по членам.

Северянка уже собиралась двинуться в сторону кормы, как вдруг дуновение принесло вялый голос:

– Я люблю тебя, Эрми... – вот только фраза явно предназначалась наезднице.

Эрминия нахмурилась. Кулаки сжались сами собой. Мелькнула мысль вернуться за мечами. Сам нажрался или позволил себя споить – огребай теперь по полной. Тело уже подавалось назад, но голову посетила вторая мысль, более здравая: был бы Рэксволд настолько пьяным, что путал лица, у него бы не встал. Здесь что-то другое...

Держа ассасина за плечи, Арабеска наслаждалась процессом, когда у неё над ухом раздалось грубое:

– Нравится?

Пиратка вскочила как ошпаренная и метнулась вбок, где замерла с выпученными глазами. Сейчас, в свете луны, её лицо казалось мертвенно бледным. Но через несколько секунд испуг начал тесниться возмущением:

– Ты откуда тут взялась?! Ты должна спать! – она подхватила лежавшие рядом штаны и стала спешно совать в них ноги.

Эрминия же спокойно посмотрела на Рэксволда. Он сидел, прислонившись спиной к мачте, и безучастно глядел вперёд стеклянными глазами.

– Что с ним? – подняла взор северянка.

– Звёздная пыль, – застегнув ремень, Арабеска поправила сползшие ножны. – Мы столкнулись в коридоре, я случайно его обсыпала, – она запахнула рубаху и скрестила руки на груди. – С непривычки сильно шарашит.

– Залезла на него тоже случайно? – ледяной тон обжигал грондэнарским морозом.

– Продышаться на свежем воздухе не вышло. Должна же я была извиниться.

– Извиниться... – Эрминия мрачно усмехнулась. – Тебе вряд ли хватит мозгов понять, но, даже когда он считал меня погибшей, ни одну бабу к себе не подпустил. Оставался верен как при жизни. Хотя с горя не вылезал из таверн, где шлюхи так и выются. Ты не просто попользовалась им. Ты подтёрлась его кодексом чести. Он пощадил тебя. А ты хочешь, чтоб чувство вины жрало его поедом до самой смерти.

– Так не говори, – развела руками Арабеска. – Откуда ему узнать? Я не заразная, а поутру он ничего и не вспомнит.

Ей стоило бы помолчать. Но соперница была безоружна, ноги стояли на родной палубе, а в разуме ещё бродил ром, выпитый, чтобы согреться после шторма. Такой расклад обнажил всю скандальность характера.

– А вообще... что я перед тобой оправдываюсь? Судя по всему, ты та ещё коза. Он так благодарил за то, что согласилась на ребёнка. Да перед Хроногором в храме меньше распинаятся. Это ж плёвое дело. Все, от букашек до скотины, справляются. Раз, два – и уже брюхатая. Люди – тем более. Даже самые тупые знают что, куда и зачем. Тут сразу видно: не в незнании дело. Ты, видать, долго кочевряжилась, цену себе набивала. Думаешь, незаменимая? Свет на тебе клином сошёлся? Может, он со мной счастлив будет? Деньжата у меня есть, пленника сбавим – ещё больше станет. Нуждаться ни в чём не будем. Рожу ему пару здоровых сыновей, а не какую-то там зверушку...

Выслушав дерзкий выпад, Эрминия молча направилась к Арабеске, и та сразу приняла боевую позу:

– Ну давай. Я тебя не боюсь, – поднятые кулаки подтвердили серьёзность намерений. – Накостыляю, мало не покажется.

Северянка приближалась. Медленно. Без резких движений. С непостижимым спокойствием на лице.

– Я не из тех, кто будет тут кататься с тобой по полу и драть друг другу волосы, – негромко заговорила она. – Лучше скажу тебе то, что ты будешь помнить до конца своих дней, – секундная пауза обернулась гробовой тишиной. – Это он и есть.

Едва Арабеска осознала смысл сказанного, её рука метнулась к ножнам, но было уже поздно. Они пустовали. В тот же миг живот пронзила острая боль. Искривлённые ею губы не выпустили крика, лишь мычание: их плотно зажала чужая ладонь. Попытка отмахнуться провалилась, после чего затылок врезался в мачту, да так сильно, что перед глазами всё поплыло.

Тело обмякло. Податливо двинулось в неведомом направлении. Его тащили, перекинув безвольно повисшую руку через шею. Резкий поворот, и в поясницу что-то упёрлось. Твёрдое. Отдалённо знакомое. Мутное сознание не сразу признало борт корабля. А когда признало, встrepенулось, вот только борт уже переместился под ягодицы.

– Не надо... – пробормотала пиратка, впустив в рот солёный привкус стекавших на губы соплей.

Она сфокусировала взгляд на лице северянки. Мрак и луна делили его пополам, но видимой стороны хватило, чтобы узреть непреклонную суровость палача, какой до сих пор держал руку на воткнутом в живот ноже.

– Густаф... вздёрнет тебя...

Пристально глядя в блестящие глаза, Эрминия толкнула пиратку в грудь и одновременно рванула клинок вверх. Он вспорол живот до самых рёбер и остался болтаться в расплывшейся плоти: рукоять больше никто не держал.

Арабеска упала в море. Холодное, как сердце палача, и чёрное, как её завистливая душа. Вынырнув, она пыталась барахтаться, наматывая на руки собственные кишки. Пыталась кричать, но захлёбывалась кровью и волнами. А корабль тем временем безвозвратно отдалялся...

Глава 4

Ещё не успев поднять веки, Рэксволд понял, что утро не задалось: в висках гудело, как после хорошей пьянки. Открытые глаза – взор упёрся в потолок. Он казался подозрительно высоким. Ассасин осторожно повернул голову и обнаружил себя на полу... в объятиях Эрминии. Зная отношение возлюбленной к выпивке, это было более чем странно. Стоило двинуться – она тоже зашевелилась.

– Эрми...

– М?

– Я вчера пил?

– По-твоему, мы бы так лежали? – северянка чуть повернула голову, чтобы серо-голубые глаза донесли всю абсурдность вопроса.

– Ну, вдруг ты сейчас... Хотя нет. Ты б меня пинком разбудила и в лоб всё выдала, – ассасин нервно почесал макушку и тут же пригладил всклокоченные волосы. – Тогда какого чёрта я не помню, как лёг? Вроде в карты играл, с кем-то болтал, а дальше...

– Видимо, Густаф на тебя надымил всё-таки.

– Да брось. Чтоб прям память отшибло? Это же айватос.

– Это дурь, и ты теперь знаешь, как с непривычки она по мозгам бьёт... И я знаю.

– Та-ак, – насторожился Рэксволд. – Я что-то натворил?

– Отчасти... – Эрминия выдержала загадочную паузу и улыбнулась уголком рта. – Ночь была бурной.

– Хах. Вот как? – рука поудобнее устроилась на спине северянки, а довольный взор повис на потолочной балке. – Ещё, что ль, надышаться разок?..

– Во второй раз это будет уже не случайностью, и, разлепив глаза, ты найдёшь рукоять кинжала там, где ещё не находил...

– И поделом. Та ещё дрянь. Когда с башкой не дружишь, можно таких дров наломать.

– Ага. Присунуть дохлой кобыле. И доказывать потом, что котелок на плечах ещё варит.

Карий взгляд отлип от потолка:

– Да сдалась тебе эта кобыла. От неё уже и костей не осталось, а историю ты знаешь только с его слов.

– Шалавы барский член меньше мусолят, чем он – эту историю. И как чавкало, и как оно внутри. Я б меньше знала, если б своими глаза видела. Не, я видала вещи и похуже. Но ими никто не гордился.

– Ну вот такой он уникальный человек. С большим сердцем и душой нараспашку.

– Оно и видно. Все ресурсы не на мозги пошли.

Ассасин протестующе помотал головой:

– Я часто к тебе прислушиваюсь, Эрми, но здесь ты ни разу не права. Как, по-твоему, он до своих лет дожил?

– Дуракам везёт. Особенно шальным.

– А давай вспомним Храм Войны. Как там это называли? Врождённая непредсказуемость. Одно из качеств победителей, между прочим.

– Победителей... – недовольно повторила северянка: довод ей не нравился, но спорить с ним было сложно. – Тогда каким боком тут душа нараспашку? Не вяжется.

– Вяжется, – Рэксволд хитро улыбнулся. – Ты прослушала слово «уникальный».

Внимание пары привлёк шум за дверью: по коридору катилась волна взбодораженных голосов и громких шагов.

– Что там за переполох? – поднялся на локтях ассасин.

– Пираты с бодуна что-то не поделили, – Эрминия лениво откатилась на спину и подложила руки под голову. – Тебя это удивляет?

Тем временем шум приближался. В гомоне отчётливо различались голос капитана и скрипы открываемых кают. К моменту, когда шаги подошлись к порогу, Рэксволд сам открыл дверь – напротив стоял Густаф с приподнятым кулаком: явно хотел постучать.

– Я по делу, – словно извинился он за ранний визит. – Загляну? – произнёс громче, так как в коридоре всколыхнулась новая волна каких-то споров.

– Чувствуй себя как дома, – пошутил ассасин и уступил дорогу, но по хмурому лицу капитана понял: дело серьёзное.

Тот вошёл, окинул каюту взглядом и стал ещё мрачнее.

– Что стряслось-то? – в доносившихся издали разговорах Рэксволд разобрал лишь слово «прошляпили».

– Кто-то сел на хвост? – поднялась Эрминия. Суровый взор подчёркивал готовность отражать абордаж.

Прежде чем Густаф ответил, в шуме коридора обозначились спешные шаги – в дверном проёме возник Хагган, где и остановился. Немного запыхавшийся, с блестящей от пота лысиной. Видимо, не только ночь выдалась напряжённой. Утро – тоже.

– Облазили всё, – развёл руками Хагган. – Если она не тут, на корабле её нет, – смерив взглядом заходившие желваки капитана, он разочарованно покивал: – Слияла-таки. Втихаря, пока все дрыхли. И уroda с собой прихватила.

– Не верю, – мотнул головой Густаф. – Рыба рыбе глаз не выключает.

– Рыба крысой оказалась, – Хагган пристально смотрел на капитана, будто в каюте больше никого не было. – Луханд предупреждал: она по ночам шныряет. Так все ж отмахнулись, мол,

живот скрутило или кровоточить стала. А она вынюхивала, как нас обнести. Вшивбта... – оскалится он на миг. – Что команде сказать?

– Собери всех на палубе. Я скоро подойду.

– Будет сделано.

Хагган скрылся в коридоре, а Густаф поймал вопросительный взгляд Рэксволда:

– Арабеска пропала. И пленный. Да вы ж не в курсе... – капитан вздохнул, переводя взор между парой. – Заловили мы тут одного кромсателя. Не бывшего пирата – идейного. Я б его к якорю и на дно, но падла эта – непутёвый выродок виверхэльского графа. Потолковал со старшими. Все проголосовали за выкуп. Ублюдка бросили в клетку, клетку – в трюм. А чтобы жизнь ему икрой не казалась, отрубили кисти и оставили ключ. Настоящий. От замка на уровне башки. Так он и сидел взаперти. Без охраны и с культянками вместо рук. Коли открыл бы ночью клетку, мог бы свалить. Даже спалить корабль разбитой лампой. Только сколько он ни пыжился, сколько ногами с ключом наверх ни лез, лишь падал или в решётке застревал. На обрубках особо не постоишь. Хотя он упёртый, пробовал, и не раз. Весь пол кровью измазал. Как понимаете, сбежать у него шансов не было. Но сегодня он вдруг исчез. Клетка нараспашку. Поднялась шумиха – сразу же недосчитались Арабески и одной лодки...

– Хм, – Рэксволд неспешно постукивал пальцами по ножнам. – Думаешь, решила захватить куш?

– Многие так думают. Нынешняя команда пока не совсем слаженная. Да и виверхэльский Арабеска ещё не забыла... Помимо этого, точно знала, что после таких штормов, коль воды спокойные, я даю всем до зари поспать. Вахту никто не нёс.

– А сам что думаешь?

Словно отгоняя скверные мысли, Густаф потрянул чёрными кудрями:

– Мы с Арабеской – единственные уцелевшие из старой. Я знаю её как облупленную. Девка видная, умелая. Оттого и характер не сахар. Порой, с глазу на глаз, мы лаялись, как мыши на завалинке. Но она бы не променяла моё уважение на мошну с золотом. Докинь сюда любимую баллисту и свой угол, а потом скажи: ради чего?..

– Любовь нагрянула? – Эрминия переминала пальцами стекавшую по плечу косу.

– Одна она на суше не болталась. Я бы знал, – пристальный взгляд не позволял усомниться в сказанном. – А если б это был кто из наших, он бы тоже сбежал, – капитан посмотрел на Рэксволда. – Тут что-то нечисто. Пойдём, проверим кое-чего.

– Пойдём. Эрми, не скучай.

– Ага... – вяло прозвучало в ответ.

Едва оба оказались в коридоре, Густаф заозирался, а когда убедился, что вокруг ни души, негромко продолжил:

– Как-то по пьяни Арабеска ляпнула про тайник в каюте. Коль она ушла с концами – там должно быть пусто. Если же нет... – капитан недобро прищурил глаза, – крыса ещё среди нас.

– Понял. Сейчас найдём.

Друзья двинулись в начало коридора. По пути захватили со стены лампу, одну из четырёх горевших днём. Дверь в нужную каюту была приоткрыта: внутрь уже заглядывали. И всякий раз вместо хозяйки обнаруживали лишь кучу сырой одежды в углу. Пустая койка, одинокий сундук и высокое зеркало тоже не смогли поведать, куда она запропастилась.

Повесив лампу на крючок, Густаф с Рэксволдом стали методично простукивать стены.

– Арабеска бы не вогнала мне нож в спину, – угрюмо сказал капитан. – Кто-то в команде нечист на руку. Хотя, может, ветер и со стороны дует.

– Из жалости ублюдка бы не отпустили. В обещания златых гор никто бы не поверил. Остаётся один вариант. Наводка. Подплыли ночью, забрали пленного, а тут Арабеска случайно на палубу вышла. Решили обыграть, чтоб всех собак на неё повесить. Вопрос: похитили или... – озвучивать очевидное не было смысла.

– Похоже на правду. В этих водах корабли – редкость, а грабить – себе дороже. Раз нас не сожгли и остальные на месте, крыса всё ещё тут. Затаилась. Ничего. Я распутую эту кишку. Дайте только конец нащупать...

– Вычислишь – за борт кинешь?

Чёрные брови съехались, став похожими на расправленные крылья ворона:

– Не сразу. Пускай недельку на рее повисит. Некоторым надо напомнить, что я добрый лишь до поры...

Когда стены были тщательно изучены, друзья принялись исследовать пол и быстро нашли «гулявшую» доску. За ней крылся долгожданный ответ. Медлить не стали – приподняли и замерли, вдвоём уставившись на вырезанную в балке выемку. В ней ничего не лежало. Зато ноздри вдруг наполнил хорошо знакомый кислый запах.

– Срань... – Густаф обречённо уронил голову. – Я должен был знать... – он саданул кулаком по полу. – Должен...

Возможно, и должен. Но не сейчас. Правда теперь смешана с ложью, точно – смертельный яд с благородным вином. Неотделима.

Ремесло ассасинов состоит из трёх аспектов: маскировки, убийства и заматывания следов. Эрминия преуспела в каждом из них. Всё, о чём Арабеска проболталась, обернулось для неё фатальной ошибкой. Инсценировка вышла реалистичной. Конечно, поиски тайника в темноте заняли не меньше часа. А вот пленного под доской не спрятать – интуиция подсказала спуститься в грузовой трюм. Замотав голову полой тряпкой, так северянка и поступила. Незнакомку, в чьей серой безликости блестели лишь глаза, пленник принял за палача. Стоя на коленях, он молил о пощаде, заявлял о своей невиновности. Эрминия подумывала его отпустить. Ведь попадётся – ничего путного не расскажет, если вообще успеет открыть рот. Но татуировки, проглядывавшие сквозь рваную рубашку, поведали свою историю. Мрачную и жестокую. Решение было быстрым. Дать пленному надежду. Вывести. И свернуть шею. А дальше как два пальца разогнуть. Труп – на дно, лодку – в море.

Ни крика в ночи. Ни случайного очевидца. Ни капли крови на палубе. В этом северянка была уверена. Хотя всё равно проверила места убийств. Как оказалось, не зря. У мачты лежал непонятно откуда взявшийся светлый клочок. Он тоже полетел в море. Единственное, что Эрминия сделала непрофессионально – отправила Арабеску за борт, не перерезав ей горло. Однако не из-за опасения наследить. Иначе бы не вспарывала живот. Зачем? Ответ предельно прост: когда некто берёт то, что ему не принадлежит, а потом с грязными сапогами лезет на чужой алтарь, о милосердии не может быть и речи.

* * *

«Все планы без исключения строятся ради обогащения. Редко кто желает найти страдания, наказать себя за ошибки прошлого. Чаще всего люди ищут удовлетворения. Хотят получить новые впечатления, потешить тело, отыскать утраченную любовь или восстановить справедливость. Правда, порой жажда обогащения выходит за рамки плоти и души: люди хотят обрести нечто осязаемое, ценное, приятно звенящее в ладони. Иногда даже больше, чем в силах унести. Тогда велик шанс вместо удовлетворения нащупать страдания. Не менее осязаемые и липкие, точно смола. В отличие от богатств, они не выпадут из разжатой руки: останутся с вами, пока кто-то не исчезнет. Либо они, либо вы», – говорил своим последователям Монси Виррей.

Стук лодки о причал. Шелест накинутой на столбик верёвки. Жалобно скрипнувшие доски. На остров сошли трое и сразу же устремили взоры к высившейся впереди мельнице. Сейчас, в пасмурной дымке, она напоминала неприступную крепость. Крепость, в недрах кото-

рой ждала увесистая охапка злотней. Или груды серебра. После визита «псов» с долгами не тянут – всё собирают заранее.

В глазах Альба горел азарт. Хитроумный план был полностью построен на актёрском мастерстве. Уж в этом-то он хорош. Уверенности – хоть отбавляй. Язык – подвешен. А напор столь сильный, что храмовники за пророка примут. Кстати, такое уже случалось. Немногие могут воспевать заповеди Сенриила, покровителя морей, на старинном наречии. Все двадцать шесть. И ещё две лично придуманные. Да так искусно, что приютивший «пророка» храм направил весть в Собор Тринадцати Черепов. Оттуда пришло приглашение: капитул желал воочию узреть вещуна. Однако прыгать выше головы Альб не планировал – выскользнув ночью из кельи, вынес из храма все золотые чаши. Наживы хватило на два безбедных года, но возвращение на север архипелага означало страшную смерть. Закопали бы перед муравейником по самую голову, чтобы насекомые медленно обглаживали плоть. Вот Альб и ошивался на юге. Тут много безбожников – храмовникам не достать. А попутно искал, кого бы облапошить. С размахом. Чтобы надолго залечь на дно.

Арибору же радости подельника не разделял. Глядя на мельницу, нервно почёсывал заплывший жирком живот. Если хозяйка раскусит обман, Альб не отвалит – придётся расчехлять сабли. А мельница большая. Легко уместит в себе ватагу работяг. Здесь не то что бока намнут – прибьют к чёрту. Или сдадут «псам». А ещё сборщик с охраной может раньше заявиться. Вот уж с кем бы не хотелось столкнуться нос к носу. Охранники имеют все шансы стать «псами». Отбирают самых крепких, люто преданных Кодексу. Вот те и стремятся себя показать. Одна радость – с поры как на островах стали появляться всякие неведомые твари, у законников забот полон рот. Кому есть дело до воров, когда в Брютле огромная двухголовая змея распугала всех рыбаков, а под Хабашом нечто крылатое всех местных альпак перетаскало. В общем, с законниками ныне так: сам в руки не попадётся, особо искать не станут. Но даже в таких авантюрах требовалась изрядная доля везения. Это огорчало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.